Каролина

Глеб Брук

Глеб Брук

Каролина

«Автор»
2026

Брук Г.

Каролина / Г. Брук — «Автор», 2026

Что, если душа не уходит, а оказывается заперта в стали? 1956 год. Мальчик Юра получает сыворотку, которая будит в нём дар видеть смерть. Спустя годы он находит на свалке красную «Волгу» — и слышит женский голос. Каролина была человеком. Теперь она — Хорорформир: душа, вынужденная стать машиной, вечно помнящая боль предательства. Вместе им предстоит столкнуться с программой «Армада», секретными проектами КГБ и собственными тенями. Хорроформир — это не машина с призраком. Это душа, ставшая металлом. И металл помнит всё. Глеб Брук сплетает хоррор, саспенс и советскую историю в роман о памяти, свободе и цене выбора. Добро пожаловать в мир, где машины не умирают, а у каждой запертой души есть причина — самое страшное и самое человечное, что в них есть.

© Брук Г., 2026
© Автор, 2026

Каролина

ПРЕДИСЛОВИЕ

От автора: почему металл помнит

Эта история началась не с плана, а с вопроса. Почему в классических историях о машинах с душой почти никогда не раскрывается главная причина? Не «как» душа оказалась в металле, а «почему» — почему она не ушла? Почему выбрала плен вместо покоя?

Так родился мир «Каролины» — история о душе, запертой в стали. О девушке по имени Каролина, которая когда-то была человеком, а теперь вынуждена смотреть на мир через фары и датчики. И о мальчике Юре, который должен решить: использовать её как оружие или попытаться спасти.

Для этой истории я ввёл новый класс существ — хоррорформиры. Это не просто машины с призраками. Это души, которые были вынуждены стать машиной. Разница принципиальна: она определяет и характер страха, и характер сочувствия. Металл не стареет, не умирает — он накапливает. И то, что накапливается в нём десятилетиями, рано или поздно начинает говорить.

Мир книги — Советский Союз второй половины XX века. Мир, где за высокими заборами стояли секретные лаборатории, где государство могло позволить себе эксперименты, о которых не писали в газетах. Здесь существовала программа «Армада» — попытка создать бессмертных солдат, поместив человеческие души в автомобили, танки и самолёты. Их создатели не подумали об одном: металл помнит. И он помнит не только прикосновения, но и боль.

Это не просто история о живых машинах. Это история о памяти — о том, что способность помнить есть способность оставаться собой. Хоррорформиры страшны не только тем, что они оружие, но и тем, что они — память, которую нельзя выключить. В этом смысле они порой человечнее многих людей на этих страницах.

Я не обещаю лёгкого чтения. Здесь есть боль и смерть. Но есть и другое: выбор, любовь и те самые пять граммов совести, о которых говорит один из героев. И есть надежда — не сладкая, а та, что остаётся, когда всё прочее уже потеряно.

Добро пожаловать в мир, где металл помнит. Где у каждой души, запертой в стали, есть причина. И эта причина — самое страшное, что в них есть. И самое человечное. Глеб Брук.

ТОМ I:
«Агония красного рассвета»

Глава 1. Пионерская зона

Август 1956 года. За окном плацкартного вагона проплывали бескрайние поля Кубани, сменявшиеся густыми перелесками. Колёса стучали размеренно, убаюкивающе. В купе царил полумрак и смешанный запах угольной пыли, крепкого чая и дорожного белья.

Юра сидел, прижавшись носом к стеклу, и смотрел на убегающие вдаль столбы. В его голове рисовались картины одна грандиознее другой: вот он, взрослый, в белой рубашке, получает золотую медаль; вот чертит сложнейшие схемы; а вот уже стоит в цеху, и все уважительно кивают: «Юрий Дмитриевич, лучший инженер». На благо родного Союза. Честно, самоотверженно, на всю жизнь.

Отец, Дмитрий Алексеевич, читал «Правду», изредка хмыкая. Мама, Анна Сергеевна, перелистывала медицинский журнал, отдыхая после месяца дежурств. Их попутчик — неприметный мужчина в штатском, но с военной выправкой — не спал. Он сидел в углу и что-то быстро записывал огрызком карандаша в потрёпанный блокнот. Юра заметил на полях странные чертежи — не то схемы, не то формулы.

В этот момент раздался стук. Не обычный «тук-тук-тук», а один-единственный, глухой, словно стукнули не костяшками пальцев, а обмотанным тканью кулаком.

— Войдите, — спокойно отозвался отец, откладывая газету.

Дверь со скрипом отъехала в сторону. На пороге стоял проводник, но какой-то ненастоящий. Форма сидела на нём мешковато, фуражка была надвинута низко на глаза, а улыбка казалась приклеенной.

— Здравствуйте, товарищи, — голос скрипучий, не вяжущийся с внешностью. Взгляд быстро обежал купе и упёрся в мужчину с блокнотом. — Все ли вас устраивает, профессор Киселёв Сергей Викторович?

В купе повисла звенящая тишина. Слышно стало, как скрипят рессоры вагона. Юра перестал дышать.

Сергей Викторович медленно, очень медленно поднял глаза. Блокнот он закрыл почти неуловимым движением. В его взгляде не было ни растерянности, ни узнавания.

— Простите, товарищ проводник, — произнёс он ледяным тоном. — Вы ошиблись. Моя фамилия Кравцов. И я не профессор.

— Да ну? — проводник осклабился, и в его руке, которую он до этого держал за спиной, тускло блеснул металл. Не нож для угля. Пистолет с навинченным на ствол глушителем, похожим на обрубок трубы.

Время словно загустело, как смола.

Дмитрий Алексеевич, прошедший войну, мгновенно оценил ситуацию. Он резко привстал с полки, пытаясь заслонить сына.

— Вы что себе позволяете?! — рявкнул он, набычившись.

— Сидеть, — коротко бросил убийца, поведя стволом в сторону отца. — Профессор Киселёв, не усложняйте. Шпионские игры закончены. Проект «Смертоносец» должен быть остановлен. Встаньте и идите к выходу. Без шума.

Юра, скованный ледяным страхом, смотрел на эту сцену широко раскрытыми глазами. Он не понял смысла слов, но увидел главное: незнакомец-попутчик полез во внутренний карман пиджака. И в этот миг убийца перевёл ствол прямо на профессора, намереваясь выстрелить в грудь.

Инстинкт сработал раньше разума. Юра был мальчишкой шустрым, юрким, и пионерская правда в его голове была проста: враг нападает — врага надо остановить. Он с криком: «Не трогай дяденьку!» — сорвался с места и кинулся в ноги убийце, пытаясь толкнуть его всем своим небольшим весом.

— Сопляк! — прохрипел лжепроводник и, не целясь, просто отмахнулся.

Тяжёлая рукоять пистолета обрушилась Юре на затылок, прямо над краем пионерского галстука. В голове вспыхнул ослепительно-белый свет, а затем мир резко померк, превращаясь в глухую, звенящую пустоту. Маленькое тело мешком рухнуло на пол.

Анна Сергеевна вскрикнула, рванувшись к сыну. Дмитрий Алексеевич, воспользовавшись секундным замешательством нападавшего, бросился вперёд. Но Киселёв оказался быстрее.

Движение профессора было почти невидимым глазу. Никакого оружия в его руке не было, но киллер вдруг захрипел, схватился за горло и начал оседать. Его лицо моментально приобрело синюшный оттенок. Пистолет глухо стукнулся о ковровую дорожку.

— Анна Сергеевна, — голос профессора был стальным, но в нём прорывались нотки отчаяния. — Заприте дверь. Дмитрий Алексеевич, уберите тело под полку. Быстро! У нас не больше двух минут.

Родители Юры двигались на автопилоте. Мать уже опустилась на колени перед сыном, пальцы привычно нащупывали пульс на сонной артерии.

— Зрачки реагируют, но слабо, — прошептала она дрожащими губами. — Гематома, возможно, трещина… Боже, Юрочка, Юра…

— Слушайте меня предельно внимательно, — Киселёв присел перед ней на корточки, заглядывая прямо в глаза. — Вы — хирург с золотыми руками. Вы — партийный работник, Дмитрий Алексеевич. Вы оба давали присягу не только государству, но и будущему.

Он достал из внутреннего кармана не оружие, а небольшой металлический цилиндр, похожий на термос для лекарств, но с гравировкой неизвестных символов. С тихим шипением открыл его. Внутри, в специальной капсуле, плескалась жидкость цвета расплавленного серебра.

— Что это? — голос отца дрогнул впервые за вечер.

— То, ради чего меня пытались ликвидировать. Проект «Смертоносец». Это сыворотка адаптивной регенерации и усиления когнитивных способностей. Тестовый образец. Время пошло, — профессор взглянул в лицо матери. — У мальчика внутреннее кровоизлияние в мозг. До Москвы мы доехать не успеваем. Ваша хирургия здесь, в полевых условиях, бессильна. Но если ввести этот препарат сейчас, он не просто выживет. Его мозг перестроится на решение нестандартных задач. Он станет тем, кем вы его воспитали, — защитником и созидателем.

— Это эксперимент над живым ребёнком! — выдохнула мать, прижимая голову сына к груди.

— Это его единственный шанс, — жёстко ответил Киселёв. — Я — куратор проекта «Смертоносец», и я спрашиваю вашего разрешения, как родителей. Дмитрий Алексеевич, ваше слово!

Отец смотрел на бледное лицо Юры, на кровь, проступающую на светлых волосах. На тело убийцы, торчащее из-под полки. Он понял: прежней жизни конец. Есть только этот момент.

— Вливайте, — сказал он глухо, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

Анна Сергеевна, переглянувшись с мужем, судорожно кивнула, разжимая сыну зубы.

Профессор наклонился, и несколько капель серебристой жидкости упали мальчику на язык. Горло Юры дёрнулось в рефлекторном глотке.

— Что с ним теперь будет? — тихо спросила мать.

— Он станет лучшим инженером, которого когда-либо видел Союз, — устало ответил Киселёв, откидываясь к стенке купе. — Только вот строить ему, боюсь, придётся совсем другой мир. Вы уж простите меня, товарищи…

Поезд нёсся сквозь ночь, унося в себе новую тайну и мальчика, заснувшего обычным сном, чтобы проснуться кем-то совершенно иным.

Время неслось с той же скоростью, что и поезд по рельсам. Юра спал едва дыша, его родители молча сидели рядом. Мама ждала, когда «Смертоносец» залечит его рану на голове, но они не знали, что Юра в этот самый момент проходил процедуру трансформации — на всех уровнях собственного юного тела.

Он спал и видел первый сон: все граждане СССР, которые сейчас называются противниками Союза, стоят возле Берлинской стены и смотрят, как она рушится. А после видит бунт возле Белого дома в Москве.

От увиденного Юра вначале ерзал головой по подушке, чем ещё больше пугал наблюдавших за ним родителей. Но когда отец мальчика спросил у Киселёва: «Что с ним происходит?» — Киселёв, сидевший и пивший чай, с существенным грохотом поставил стакан в подстаканнике на деревянный столик и, лишь взглянув на мальчика, сказал: «Сейчас проходит мутацию, но, судя по всему, сыворотка пробуждает врождённый ему дар прорицания».

Юра открыл глаза. Первое, что он увидел, — встревоженное лицо матери, склонившейся над ним. Её тёплая ладонь лежала у него на лбу, и он почувствовал, как она вздрогнула, когда его ресницы дрогнули.

— Мам? — голос мальчика был хриплым и чужим. — Почему мы трясёмся?

Анна Сергеевна судорожно выдохнула, прижимая его к себе, и Юра почувствовал, как её плечи мелко дрожат. Он попытался сесть, но голова казалась тяжёлой, словно налитой свинцом. Он провёл рукой по волосам, нащупал что-то липкое, но кожа под пальцами была целой. Ни ран, ни шишек.

— Ты упал, сынок, — раздался глухой голос отца. Дмитрий Алексеевич сидел напротив, стиснув колени руками так, что побелели костяшки. Его глаза ввалились, под ними залегли тёмные круги, но он старался улыбнуться. — Ударился головой о полку. Но теперь всё хорошо. Ты… ты просто спал.

Юра наморщил лоб, пытаясь собрать воедино обрывки воспоминаний. Поезд. Бабушка в Сочи. Он прыгал по верхней полке. А потом — пустота. Липкий, вязкий холод, похожий на сон, который уже начал ускользать.

— Больно не было, — сказал Юра, удивлённо моргая. — Мне снилось что-то странное. Там стена падала. Большая, серая. И люди кричали. А потом белый дом, и кто-то стрелял.

Анна Сергеевна судорожно переглянулась с мужем. Киселёв — профессор, который всё это время сидел в углу, прикрыв глаза, — медленно отставил стакан с остывшим чаем и подался вперёд.

— Что ещё ты видел, Юра? — спросил он тихо, почти ласково. — Постарайся вспомнить.

Мальчик нахмурился, кончиками пальцев касаясь висков. В голове шумело, как в пустой раковине, где гуляет ветер.

— Я не помню… — протянул он, потом вдруг резко дёрнул головой, и его глаза на мгновение остекленели. — Только… там была вода. Чёрная, как масло. И огонь. Корабли горят. А я стою на скале и смотрю.

— Что за корабли? — переспросил отец, подаваясь вперёд.

— Не знаю, — Юра пожал плечами, и в этом жесте вдруг проскользнула какая-то взрослая усталость. — Но пахло железом и солью. Как на море, когда шторм.

Он замолчал, уставившись в окно, за которым начинали мелькать огни предместий, прибрежные пальмы и белые корпуса санаториев. Поезд замедлял ход.

— Мы приехали, — сказала мать, и в её голосе проскользнуло облегчение. Она быстро убрала прядь волос с его лба, словно проверяя температуру. — Юрочка, мы в Сочи. Твоя бабушка уже на перроне. И Оля.

— Оля? — переспросил мальчик, и его лицо на мгновение просветлело. — Ирка приехала?

— Оля, — поправила мать с мягкой улыбкой. — Ирина. Твоя двоюродная сестра. Она окончила школу, теперь будет здесь жить, помогать бабушке. Помнишь, мы тебе говорили?

Юра кивнул, хотя на самом деле помнил смутно. Голова по-прежнему гудела, и каждый звук — лязг колёс, гудок паровоза, голоса родителей — отдавался в затылке тупой пульсацией. Он чувствовал себя странно: словно внутри него кто-то поселился, кто-то очень взрослый и очень уставший, кто смотрел на мир сквозь его глаза и удивлялся, как здесь всё просто и ярко.

Профессор Киселёв тем временем поднялся, аккуратно собрал в портфель свои бумаги и металлический цилиндр, который Юра мельком заметил на столике. Внутри что-то плеснулось серебром, но мальчик не придал этому значения — он думал о море, о солнце, о том, как они будут бегать по пляжу и строить замки из песка.

— Мы выходим, — сказал отец, поднимаясь и забирая с полки два чемодана. Он бросил короткий взгляд на Киселёва: — Вы с нами, Сергей Викторович?

— Нет, — профессор покачал головой, пряча цилиндр во внутренний карман плаща. — Моя работа здесь закончена. Я остаюсь в поезде, до Новороссийска. У меня ещё дела.

Он подошёл к Юре, присел перед ним на корточки и заглянул в глаза. Мальчик смотрел на него с детским любопытством, но без страха. Профессор улыбнулся — устало, с уголками губ, опущенными вниз.

— Ты славный мальчик, Юра, — сказал он негромко, чтобы слышали только они двое. — Ты будешь сильным. Помни: сны — это не просто сны. Иногда они предупреждают нас. Прислушивайся к ним.

— Вы как бабушка моя говорите, — серьёзно ответил Юра. — Она тоже верит в вещие сны.

— Значит, ты в хороших руках, — Киселёв легко сжал его плечо и встал. — Счастливого пути, Бойко.

Юра спрыгнул с полки, натянул сандалии и, пошатываясь, направился к выходу. Голова кружилась, но он уже чувствовал, как воздух из открытых окон вагона становится солёным, тёплым, пахнет цветущим инжиром и морем. Мать поддерживала его за локоть, отец нёс чемоданы, а позади остался профессор, молча глядящий им вслед из глубины купе.

Когда состав остановился, Юра первым выскочил на перрон. Солнце резануло по глазам, и он зажмурился, делая глубокий вдох. А когда открыл их, увидел бабушку — маленькую, круглую, в светлом платке и с огромным букетом белых роз. Рядом с ней стояла девушка лет семнадцати, с тёмными косами, перекинутыми через плечо, и улыбалась так же широко, как и он сам.

— Юрка! — крикнула она, размахивая рукой. — Вырос-то как! Совсем дядька!

— Олька! — засмеялся он, забывая о странном послевкусии сна, о пророчествах и о том, что кто-то в этом поезде называл его «Смертоносцем».

Он рванул к бабушке, и она раскрыла объятия, прижимая его к груди, пахнущей пирогами и лавандой. Юра приник к ней, чувствуя, как тёплая волна уюта разливается по телу, вытесняя ту липкую тяжесть, что осталась в голове.

— Здравствуй, внучок, — прошептала бабушка Лиза и вдруг, отстранившись, заглянула ему в глаза. Её зрачки расширились, она на миг замешкалась, и что-то промелькнуло в её взгляде — тревога, узнавание, как будто она видела в его глазах нечто, что не должна была увидеть.

— Что, бабуль? — спросил он беззаботно.

— Ничего, — она быстро прижалась щекой к его макушке и незаметно перекрестила, так, чтобы никто не увидел. — Ничего, внучек. Главное, что ты живой, здоровый и с нами. А остальное — как Бог даст.

Отец, поставив чемоданы на асфальт, протянул руку Ольге, и она звонко поцеловала его в щёку, а потом обняла Анну Сергеевну.

— Мы так волновались, — говорила Ольга, оглядывая всех. — Дорога долгая. Бабушка пирогов напекла, ужин ждёт. Идёмте скорее, машина на стоянке.

Юра взял её за руку, и они двинулись к выходу с вокзала, мимо белых колонн и пальм, мимо людей с чемоданами и алыми гвоздиками. Поезд позади свистнул, трогаясь, и унёс профессора Киселёва и его серебряную сыворотку дальше, к Чёрному морю.

Юра шёл, глядя на горы, синеющие на горизонте, на высокие небеса, и не чувствовал ни боли, ни ран, только лёгкое, щекочущее чувство новизны. В его голове начинал пульсировать новый мир — огромный, сложный, странно знакомый, словно он видел его раньше, много раз, но никак не мог вспомнить, когда.

Он не знал, что эта поездка на море станет для него последним днём детства.

Он не знал, что бабушка, глядя на него, уже увидела тот самый чёрный огонь, о котором он говорил в полусне.

Он не знал, что «Смертоносец» пробудил в нём то, что было спрятано глубоко в крови, — способность видеть не просто сны, а будущее. Своё. Чужое. Страны.

Но он знал одно: запах моря и голос сестры были сейчас важнее всего на свете. И этого было достаточно, чтобы сделать шаг вперёд — в солнечный день, в шум курортного города, в новую, ещё не написанную жизнь.

Они медленно шли к выходу с вокзала, запах морского бриза встречал его, предвещая неизбежную мутацию его ДНК. Они вышли с вокзала и увидели, как приезжие встречают своих: друзей, знакомых.

Особенно маленькому Юре понравилось наблюдать, как дети в пионерской форме встречали своих представителей из самого желанного лагеря для любого советского школьника — «Артека»

В мыслях маленького Юры была лишь одна мысль: «Поскорее бы ему самому вручили путёвку в этот лагерь». Ибо Юра за свои девять лет ещё не был пионером, но носил красный галстук, поскольку восхищался ими. Но мы отвлеклись.

Когда они вышли на стоянку, машина действительно стояла там. Это была мечта любого советского автолюбителя: ГАЗ М-20 «Победа». Нежного белого цвета, словно молочная продукция, четырёхдверная, излучающая стиль Советского Союза. Внутри на месте водителя сидел дедушка Юры — отец его матери — Всеволод Сергеевич Игнатов. Он читал газету «Правда».

Когда этот суровый советский пенсионер, прошедший закалку прошлым, сидевший с суровым офицерским взглядом и читавший газету, услышал знакомые шаги, он повернул голову и, увидев родных, преобразился. Суровость сменилась радостью от окончания долгой разлуки. Он медленно, словно со скрипом в коленях, открыл дверь и радостно раскрыл руки для долгих объятий: родной дочери, внука и зятя.

— А ну, дайте хоть поглядеть на вас, — прогудел Всеволод Сергеевич, разводя руки в стороны. — Неужели доехали?

Первой в его объятия шагнула Анна. Она уткнулась лицом в отцовскую рубашку, пропахшую табаком и одеколоном, и на секунду замерла так, словно снова стала маленькой девочкой.

— Здравствуй, пап, — тихо сказала она.

— Здравствуй, дочка. Устала?

— В поезде выспалась. А ты похудел. Опять сердце беспокоит?

— Тьфу на тебя! — дед наигранно нахмурился, но тут же подмигнул Юре. — Моё сердце крепче узлов на этой машине. Дим, здорово, боец!

Дмитрий Алексеевич, сняв кепку и вытерев лоб платком, подошёл пожать руку тестю. Их рукопожатие было крепким, мужским — с коротким, понимающим кивком.

— Здравствуйте, Всеволод Сергеевич. Хорошо выглядите.

— А ты всё такой же дипломат, Димка. Ну, давай обнимемся, что уж там.

Они обнялись сдержанно, но крепко. Дед тут же перевёл взгляд вниз, на внука, который застыл, держа в одной руке галстук, а в другой — небольшой чемоданчик. Юра смотрел на деда снизу вверх с тем же неизменным восторгом. Для него этот высокий, кряжистый человек с тяжёлым подбородком и седыми висками был живым монументом.

— Ну а ты чего застыл, пионер? — хмыкнул Всеволод Сергеевич, приседая на корточки, и его колени предательски хрустнули. — Иди к деду.

Юра бросил чемоданчик и повис у деда на шее.

— Деда, мы приехали! Я всю дорогу считал столбы за окном, уже сбился.

— Считал он. Математик, — дед пах смолистым табаком и бензином. — Галстук-то поправь. Съехал набок.

— Это я сам завязал! — похвастался Юра, пока дедушка своей большой шершавой ладонью ловко поправил узел.

— Вижу, что сам. Кривой, но от души. Готов к лагерю?

Глаза мальчика загорелись.

— Готов! Я «Смертоносца» прочитал, знаешь, деда, там такой корабль был, он…

Но Всеволод Сергеевич, услышав знакомое слово, вдруг слегка нахмурился, переглянулся с дочерью, и они о чём-то тихо переговорили друг с другом. Взгляд его стал на мгновение таким же тяжёлым, каким он смотрел в газету минуту назад. Но он тут же смягчился.

— Книжки — это дело хорошее, — сказал он, кряхтя поднимаясь. — Но море лучше книг, Юр. Ладно, грузитесь. Хватит печься на солнце.

Уложив чемоданы в багажник «Победы» и разместившись в просторном, нагретом солнцем салоне, они тронулись. Всеволод Сергеевич вёл машину уверенно, одной рукой слегка придерживая руль, а другой потирая колено — давала знать о себе старая фронтовая рана.

Они катили по солнечным, продуваемым морским бризом улицам Сочи. За окном проплывали белоснежные сталинские дома с колоннами, утопающие в зелени кипарисов и магнолий, вывески санаториев и шумные перекрёстки, где милиционер в белом кителе лениво регулировал движение. Ветер, врываясь в приоткрытые окна, трепал волосы и приносил запахи моря, бензина и цветущих акаций.

Юра, прижавшись лицом к стеклу, с едва скрываемым любопытством рассматривал город. Его взгляд цеплялся за детали: массивные балконы с лепниной, мозаичные панно на стенах, арки и переходы. Он пытался угадать, в каком году построили то или иное здание, мысленно сравнивая их с учебником по истории архитектуры.

Но больше всего его занимали люди. Рядом с машиной проезжали автобусы, полные пионеров. По голубой рубашке и красному галстуку он безошибочно угадывал в них сверстников, которые, как и он, спешили к морю. Он вглядывался в их лица: вот девчонка с бантами восторженно тычет пальцем в окно, показывая подруге море; вот мальчишка, весь сжавшийся в комок, нервно теребит ремешок чемодана — явно впервые уезжает от родителей так далеко; а вот юноша с комсомольским значком, сидящий у прохода с отрешённым видом бывалого вожатого, который везёт в лагерь уже пятый поток за лето.

Юра улыбнулся и откинулся на сиденье. Веки вдруг налились свинцом. Жара, долгая дорога, мерное покачивание машины — всё это слилось в одну убаюкивающую колыбельную. Голоса родителей и деда на переднем сиденье стали доноситься словно сквозь толстый слой ваты.

— …нет, ты посмотри, что в газетах пишут, — доносилось сквозь дрёму.

— Пап, ну хватит о политике, — мягко упрекнула Анна.

— А о чём прикажешь? О погоде?

Слова потеряли смысл, превратились в монотонный гул мотора. Юра закрыл глаза, всего на секундочку…

И вдруг звук мотора изменился. Стал громче, надрывнее. К нему примешался чужой, нарастающий гул.

Юра «увидел» перекрёсток — ярко, чётко, как в кино. Их «Победа» выезжает на зелёный свет. Слева, из арки старого дома, вылетает огромный, чёрный, блестящий капотом грузовик. Он несётся, не сбавляя скорости, прямо на них. Юра видит лицо водителя — бледное, с расширенными от ужаса глазами, который отчаянно давит на педаль, но педаль проваливается в пустоту. Тормозов нет.

Он чувствует, как напрягается тело деда, как тот машинально хочет нажать на газ, чтобы проскочить, но не успевает. Грузовик с рёвом вгрызается в левое переднее крыло…

— Деда, стой! — заорал Юра, вскакивая на сиденье и хватая деда за плечо. — Тормози! Там грузовик! Слева!

Всеволод Сергеевич, не раздумывая, ударил по тормозам. «Победа» вильнула, заскрежетала шинами по асфальту и замерла в полуметре от несущегося мимо чёрного грузовика. Тот пронёсся, обдав машину пылью и гарью, и скрылся за поворотом.

В салоне повисла тишина. Только тяжело дышал дед, сжимая руль так, что побелели пальцы.

— Юра… — выдохнула мать, оборачиваясь. — Что это было?

— Я видел, — мальчик смотрел на свои руки, словно впервые их замечая. — Я видел, как он вылетает. И тормозов у него нет. Я видел, деда.

Всеволод Сергеевич медленно повернул голову. В его глазах был не страх, а что-то другое — тяжёлое, оценивающее узнавание.

— Вот, значит, как, — тихо сказал он. — Значит, не перевелись ещё в роду Игнатовых ведуны.

Он ничего больше не объяснил. Только завёл машину и повёл её дальше, уже медленнее, внимательнее. А Юра сидел, прижавшись к матери, и чувствовал, как в груди разрастается что-то новое, тревожное и одновременно странно правильное.

Дом бабушки Лизы стоял на склоне, утопая в зелени грецких орехов и винограда. Двухэтажный, с верандой, увитой плющом, он пах деревом, сушёными травами и чем-то неуловимо родным, что Юра помнил с самого раннего детства.

Вечер прошёл в суете: распаковывали чемоданы, ужинали пирогами, слушали рассказы деда о фронте и бабушки — о том, как она лечила травами всю округу. Оля без умолку болтала о школе, о подругах, о том, как хочет поступить в педагогический. Юра сидел рядом, ел вишнёвое варенье и чувствовал, как напряжение поезда и видения постепенно отступают.

Но когда все разошлись спать, бабушка Лиза тихо тронула его за плечо.

— Пойдём, внучек. Поговорить надо.

Она повела его в библиотеку — небольшую комнату на втором этаже, сплошь уставленную книжными шкафами. Здесь пахло старыми страницами, воском и лавандой. Бабушка зажгла настольную лампу, и в её жёлтом свете лицо старухи стало строгим и молодым одновременно.

— Садись, — она указала на кресло. — И расскажи мне всё. С самого начала. Что ты видел в поезде.

Юра рассказал. О профессоре, о нападении, о видениях — о стене, о белом доме, о горящих кораблях. Бабушка слушала не перебивая, и только когда он закончил, медленно покачала головой.

— Значит, «Феникс» всё-таки добрался до тебя, — сказала она тихо, словно сама себе. — Я чувствовала, когда ты родился. Думала — обойдётся. Анна не хотела слышать, Дмитрий — человек партийный, ему бы это всё не понравилось. Но кровь не обманешь.

— Какой «Феникс»? — Юра нахмурился. — Профессор говорил про «Смертоносец».

— «Смертоносец» — это их название, — бабушка усмехнулась. — Умные люди придумали. А на самом деле это древнее. Наш род, Юра, идёт от ведунов. Тех, кто видел будущее. Твоя прапрабабка Яна была сильной ведуньей. Её сожгли бы, если бы не ушла в леса. С тех пор дар передаётся — не всем, но через поколение. Я видела сны. Твоя мать — нет, а вот ты…

Она замолчала, глядя на мальчика с какой-то новой, печальной нежностью.

— Что теперь будет? — тихо спросил Юра.

— Теперь ты будешь видеть, — просто сказала бабушка. — Не всегда. Иногда. Когда опасность близко или когда будущее хочет тебе что-то показать. Это не проклятие, внучек. Это то, что дано тебе, чтобы защищать. Но запомни: никому не рассказывай. Ни о поезде, ни о видениях. Люди не поймут. А те, кто поймут, — могут не так понять.

— Даже папе с мамой?

— Они знают. Но говорить об этом вслух не будут. Так проще жить.

Она подошла к одному из шкафов, достала старую, потрёпанную книгу в кожаном переплёте и протянула ему.

— Здесь записи твоей прапрабабки Яны. Как толковать сны, как не сойти с ума, как защищать себя. Читай. Но не сейчас. Сейчас тебе надо спать.

Юра взял книгу. Она была тяжёлой, пахла пылью и воском, и на ощупь казалась тёплой, словно живой.

— Бабуль, — он поднял на неё глаза. — А почему ты сказала, что «Феникс» добрался до меня?

Бабушка помолчала, потом вздохнула и присела перед ним на корточки, как когда-то давно, в детстве.

— Потому что «Феникс» — это не просто название проекта. Это то, что пробуждается в человеке, когда он готов. Ты не первый. И не последний. Просто сейчас твоё время.

Она перекрестила его, поцеловала в лоб и погасила лампу.

— Иди. Завтра будет новый день. Море, солнце, Олька со своими глупостями. Успеешь ещё навидаться своего будущего.

Юра лёг в постель, прижимая к груди книгу. За окном шумело море. В голове всё ещё гудело, но теперь это был не страх. Скорее — предвкушение.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но теперь он знал, кто он.

Ведун. Феникс. Мальчик с красным галстуком, который видит будущее.

И этого пока было достаточно.

Глава 2. Диагноз — родители

Юра дёрнулся, словно от удара током, и распахнул глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Никакого перекрёстка ещё не было — они ехали по прямой, залитой солнцем улице. Но ощущение надвигающейся катастрофы было настолько реальным, что он закричал звонким, ломким от страха голосом:

— Деда! Деда, пожалуйста, поверни направо! Сейчас же!

Всеволод Сергеевич вздрогнул и инстинктивно вывернул руль. «Победа», взвизгнув шинами, вильнула в узкий правый переулок, обдав пылью растущие у тротуара кусты.

— Ты что творишь?! — начал было Дмитрий Алексеевич, но его слова потонули в оглушительном, полном ужаса звуке.

Сзади, на главной улице, раздался протяжный автомобильный гудок, полный паники, скрежет металла и звон разбитого стекла. А затем — глухой, тяжёлый удар, от которого, казалось, вздрогнула сама земля.

Всеволод Сергеевич резко ударил по тормозам. Все в машине обернулись. В зеркале заднего вида было видно, как на перекрёстке, который они проехали буквально пару секунд назад, в клубах пара и пыли, уткнувшись смятым капотом в фонарный столб, замер огромный чёрный грузовик. Фонарный столб, к счастью, принял удар на себя, не дав многотонной махине влететь в автобусную остановку. Вокруг уже собиралась толпа.

В салоне «Победы» повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием.

Всеволод Сергеевич медленно, не веря, посмотрел на свои руки, сжимающие руль. Потом перевёл взгляд на абсолютно бледного внука.

— Юра... — голос его сел, стал хриплым. — Ты... ты как?..

— Я не знаю, — прошептал Юра, глядя в зеркало на хаос позади. — Я просто увидел. Увидел, как будто это уже случилось. Он не тормозил, деда. У него тормозов не было. И я... я испугался.

Анна, бледная как полотно, повернулась к сыну, схватила его за руку. Дмитрий Алексеевич снял очки и молча протирал их платком, не в силах вымолвить ни слова.

Анна, не отпуская ледяную руку сына, медленно повернула голову к мужу. Дмитрий Алексеевич перехватил её взгляд. В его глазах, обычно таких спокойных и ироничных, плескался почти первобытный ужас, смешанный с пониманием. Он перестал тереть очки и сжал их в кулаке так, что побелели костяшки пальцев.

Они оба мысленно вернулись на три часа назад, в то самое купе поезда.

— Профессор, мы слушаем, — твёрдо сказал Дмитрий, положив руку на плечо Анны.

— Проект «Смертоносец», — начал Киселёв глухо, глядя не на супругов, а в окно. — Государство думало, что создаёт идеального солдата. Это не вирус, не наркотик и не оружие в привычном понимании. Это... эволюционный триггер. Генетическая перестройка организма, запускающая в человеке те механизмы, которые природа заблокировала за ненадобностью. Обострённая до предела интуиция, временное восприятие, при котором линейность времени — не аксиома, а лишь одна из осей координат. Субъект видит не событие, а спектр вероятностей, ведущих к гибели.

Анна побледнела. Дмитрий перебил:

— Но зачем? Для чего такие риски?

— Потому что препарат вводится только в момент клинической смерти, — отрезал Киселёв. — В этом и заключалась жестокая ирония проекта. Активировать «Смертоносца» можно лишь тогда, когда мозг осознаёт неизбежность конца. Выброс гормонов, предсмертная агония клеток служат катализатором. Девяносто девять процентов испытуемых просто не возвращались. Перестройка сжигала их нервную систему за секунды. Но те, кто возвращался... они переставали быть просто людьми. Они обретали способность обманывать саму смерть.

Киселёв снял очки и устало потёр глаза.

— Но ваш сын... Юрий...

— Что с ним? — голос Анны дрожал.

— У него врождённая мутация. Его ДНК уже изменена. Такое ощущение, что он родился, уже побывав «за гранью». «Смертоносец» — это просто ключ к замку. Но боюсь, что в его случае... замок уже открыт. Препарат, если ввести его здоровому носителю мутации, не даст ему умереть. Он просто пробудит его истинные силы. Сорвёт предохранители, которые пока сдерживают его сознание рамками обычного времени.

Сознание Анны и Дмитрия одновременно вынырнуло из душного, пропитанного страхом купе, но тяжесть услышанного не отпускала. Стук колёс, казалось, до сих пор отдавался в висках, превратившись в размеренный шум мотора. За окном автомобиля проплывали не бескрайние поля, а густые заросли самшита и кипарисов, влажный субтропический воздух сменялся сухим, прогретым соснами горным ветерком. Они въезжали в посёлок, где время текло иначе. Дорога, серпантином взбиравшаяся вверх, вдруг выпрямилась, и взгляду открылся дом — не дача, а настоящая крепость духа, сложенная из посеревшего от южного солнца камня.

Машина остановилась у кованых ворот, увитых плющом. Дверь открыла высокая, статная женщина с тяжёлым серебряным узлом волос на затылке. Это была Елизавета Андреевна, мать Анны, но все вокруг — и стар, и млад — звали её просто бабушкой Лизой. Её глаза, такого же глубокого серого оттенка, как у дочери, мгновенно считали напряжение, повисшее в воздухе.

— Приехали, — тихо сказала она, не спрашивая, а утверждая очевидное. Она не бросилась с объятиями, лишь крепко, по-мужски пожала руку Дмитрию и прижала к себе Анну, задержав ладонь на её голове чуть дольше обычного. — Всеволод Игнатович в кабинете. Ждёт.

Дом встретил их запахом старых книг, сушёных трав и моря. Маленький Юра, который всю дорогу хныкал, не в силах понять тревоги матери, вдруг затих, едва переступив порог. Ему казалось, что сам воздух здесь звенит, как натянутая струна, а тени в углах живут своей, тайной жизнью. Поздний ужин прошёл почти в молчании. Взрослые обменивались короткими, ничего не значащими фразами, но Юра, несмотря на возраст, чувствовал фальшь. Он ковырял ложкой гречневую кашу и искоса поглядывал на деда, Всеволода Игнатовича, чей профиль с горбатым носом и клинышком седой бороды напоминал ему портреты древних мудрецов из книжки с картинками.

Ночь в горах наступает стремительно. Мальчика уложили в маленькой угловой комнате на втором этаже. Окно было распахнуто настежь, и ветер играл кисейной занавеской. Но сон

не шёл. Юра ворочался, прислушиваясь к стрекоту цикад за окном. Ему было душно, страшно и любопытно одновременно. В доме стояла та особенная, звенящая тишина, которая предшествует грозе или очень важному разговору.

Вдруг сквозь эту тишину прорезался звук. Не ветер и не скрип половиц. Низкий, вибрирующий гул мужских голосов. Дед и отец. Юра сел на кровати, сердце его бешено заколотилось. Он понимал, что подслушивать нехорошо, но неведомая сила, исходившая, казалось, от самого дома, заставила его спустить босые ноги на прохладные доски пола. Он бесшумно, как учил его отец в их играх «в разведчиков», прокрался по коридору и замер у приоткрытой двери библиотеки.

Свет от камина падал на ковёр длинными оранжевыми полосами. Голос деда, Всеволода Игнатовича, звучал глухо, но каждое его слово впечатывалось в сознание мальчика.

— ...Вы приехали, потому что чуете беду, и чутьё вас не обмануло, — говорил дед, и в его тоне не было вопроса, только горькая констатация факта. — Киселёв раскрыл вам суть «Смертоносца», но он знает лишь прикладную, биологическую часть. Это как знать химический состав пороха, но не ведать, зачем человек спускает курок.

Дмитрий стоял у камина, опершись рукой о каменную кладку. Анна сидела в кресле, закутавшись в шаль.

— Папа, хватит загадок, — резче, чем хотелось, произнесла Анна. — При чём здесь Юра? При чём здесь препарат?

— При том, что «Смертоносец» — этот проект стал попыткой исправить ошибку, — отчеканил Всеволод Игнатович, поднимаясь с кресла. Он подошёл к секретеру и извлёк оттуда старую, обтянутую кожей папку. — Жалкая попытка исправить то, что уже создано природой. Речь идёт о том, о чём ты, Аня, знаешь лучше, чем думаешь. «Феникс».

В комнате повисла такая тишина, что Юра услышал, как потрескивают дрова в камине. Дед продолжил:

— Ты помнишь Яну, сестру твою? Не тот образ светлой девочки, что остался на старых фотографиях, а ту Яну, что была в тот день на батарее?

Анна вздрогнула, словно от удара током.

— Не смей. Я похоронила эти воспоминания.

— А придётся воскресить, — дед говорил жёстко, но в глазах его стояла боль. — То, что случилось с Яной Сергеевной под тем миномётным обстрелом у «Катюш», не было простым геройством. Это была активация. Спонтанная, страшная, но именно та, что описана в наших старых, ещё довоенных дневниках.

Маленький Юра прижался лбом к дверному косяку, боясь дышать. Он плохо понимал, о чём речь, но имя тёти Яны, портрет которой висел в гостиной, заставило его замереть. Тётя Яна, которая погибла на войне. Дед рассказывал, что она закрыла собой командира, когда осколки накрыли расчёт «Катюши».

— Твой Киселёв ищет ключ к «Смертоносцу», — продолжал Всеволод Игнатович, обращаясь к Дмитрию. — Он думает, что клиническая смерть — это ворота. Но это лишь щель в них. Яна шагнула в эти ворота целиком, сознательно, отдавая жизнь за других. Её дар — видеть смерть, видеть вероятности — не был химической реакцией. Это был зов крови. И этот зов, Аня, течёт в жилах твоего сына.

Дмитрий резко выпрямился, заслонив собой свет камина.

— Вы хотите сказать, что Юра... унаследовал способности Яны? Что та мутация, о которой говорил Киселёв, — это и есть «Феникс»?

— Да, — тихо ответил старик. — Вы привезли его сюда, подальше от лабораторий. Правильно сделали. Потому что если препарат вколоть обычному человеку — он сгорит. А если его ввести Юре... он не просто выживет. Сознание, которое уже сейчас с трудом удерживается в рамках линейного времени, расправится. Он перестанет видеть разницу между «вчера»,

«сегодня» и «завтра». Он застрянет в вечном моменте предсмертия, как застряла Яна, когда, умирая, одновременно видела и взрыв, и нас, и будущее, которое мы не можем себе вообразить.

В коридоре раздался тихий стук. Это Юра, не справившись с дрожью в ногах, задел плечом вешалку. Разговор в библиотеке мгновенно смолк. Тяжёлые шаги отца зазвучали ближе. Дверь распахнулась шире, и на пороге возникла высокая фигура Дмитрия. Он посмотрел на сына сверху вниз, на его испуганное, бледное в лунном свете лицо. Вместо гнева в глазах отца плескалась невыносимая, щемящая тоска.

— Иди спать, сынок, — голос Дмитрия дрогнул, он подхватил Юру на руки, прижав к груди так, словно хотел спрятать от всего мира. — Это просто гром. Где-то далеко идёт война, которой для тебя нет. И не будет.

Солнце вломилось в окна старого дома так, словно решило выжечь все ночные страхи без остатка. Юра проснулся с чувством прекрасно выспавшегося человека и не помнил, что было прошлой ночью. Только сон, странный, тягучий, ещё таял на краю сознания — будто он стоял босиком на тёплом песке и смотрел на море, которое почему-то пахло оружейным порохом. Но стоило открыть глаза, и сон ушёл, растворился в запахе свежей выпечки, поднимавшемся с первого этажа.

Когда Юра, наспех умывшись и натянув лёгкую льняную рубашку, спустился вниз по скрипучей деревянной лестнице, вся семья уже сидела на увитой диким виноградом веранде. Стол ломился от утреннего изобилия: пышные оладьи с мёдом, творог с прошлогодним абрикосовым вареньем, тонко нарезанное копчёное сало и огромный, пузатый самовар, который мама торжественно водрузила в центр стола.

— Доброе утро, соня, — Анна улыбнулась сыну, и ни одна морщинка не выдавала на её лице вчерашнего напряжения. Она сидела, закутавшись всё в ту же шаль, но теперь та выглядела не защитой от ледяного ужаса, а уютным домашним аксессуаром. — Как спалось?

— Отлично! — бодро отрапортовал Юра, пристраиваясь на стул рядом с отцом. Дмитрий, уже одетый в светлую полотняную рубашку с закатанными рукавами, коротко взъерошил сыну волосы. От него пахло одеколоном и немного табаком. Он посмотрел на Юру тем самым долгим, изучающим взглядом, каким обычно врачи смотрят на пациентов, но тут же отвёл глаза и потянулся за чашкой чая.

— Жара сегодня будет, — заметил Дмитрий, кивая на безоблачное, выцветшее от зноя небо. — Градусов тридцать, не меньше.

— Самое то, чтобы на речку! — оживился Юра, прихлёбывая горячий, сладкий чай. — Пап, мам, ну пожалуйста! Пока погода позволяет. В прошлый раз мы ту излучину нашли, где песок как сахар. Глубина там хорошая, я проверил!

Анна переглянулась с Дмитрием. Во взгляде отца промелькнула тень — та самая, вчерашняя, — но он быстро замаскировал её лёгкой улыбкой.

— А что, — протянул он, — хорошая идея. Всё равно к обеду здесь будет как в печке. Искупаемся, а заодно проверим, не разучился ли ты плавать.

— Я?! — возмутился Юра. — Да я лучше тебя кролем иду!

— Ну, это мы ещё посмотрим, — усмехнулся Дмитрий.

Из дома, стуча тростью по половицам, вышел Всеволод Игнатович. Сегодня он выглядел иначе — не вчерашним суровым пророком, вещающим о роковых тайнах, а обычным дачным дедом, в старой соломенной шляпе и просторной ситцевой рубахе навыпуск. Только вот папка, обтянутая кожей, уже не лежала на секретере. Секретер был заперт, и ключ, кажется, висел теперь на шее у деда, спрятанный под воротником.

— На реку собрались? — дед присел на свободный стул, с видимым удовольствием принимая от Анны чашку дымящегося чая. — Правильно. В такую погоду сидеть дома — грех.

— Дедушка, а ты с нами? — спросил Юра.

— Нет, голубчик. Я уже для таких заплывов староват. Но пока вы будете плескаться, я займусь делом не менее важным. Обед надо готовить, а то вернётесь голодные, как волчата, и съедите меня самого.

Юра засмеялся, представляя, как ест дедушку. Анна улыбнулась, но улыбка вышла чуть натянутой.

После завтрака начались сборы — суетливые и радостные. Анна собирала корзину: большое вафельное полотенце, запасную одежду для Юры, бутылку домашнего кваса в стеклянной бутыли, завернутой в мокрую тряпку, чтобы не нагрелась. Дмитрий надувал старую автомобильную камеру, превращённую в импровизированный круг для плавания, и проверял, не спускает ли она.

А Юра тем временем крутился вокруг деда. Всеволод Игнатович вышел во двор, в летнюю кухню, представлявшую собой простой дощатый навес с огромным столом и старым очагом. На столе уже выстроились глиняные плошки, пучки свежей зелени и большой кусок свиной вырезки, накрытый марлей.

— Смотри и учись, Юрка, — важно проговорил дед, закатывая рукава. — Это тебе не просто шашлык. Это — искусство. Маринад по-сочински. Рецепт моего старого друга, армянина из Гагр. Он этим секретом ещё с турецких времён владел.

Юра с любопытством наблюдал за священнодействием. Дед взял большую стеклянную банку и начал колдовать. Сначала он налил туда стакан гранатового сока — густого, тёмно-рубинового, собственноручно выжатого из плодов, что росли в их саду.

— Кислота, видишь? — пояснил он. — Она волокна размягчает. Но одной кислоты мало. Теперь масло.

Он добавил оливкового масла — чуть-чуть, буквально две ложки.

— Масло — оно проводник. Через него в мясо войдут все ароматы.

Дальше в ход пошли специи. Дед не мельчил, не отмерял по граммам — бросал щедро, на глаз. Крупная каменная соль, свежемолотый чёрный перец, сладкая паприка. Затем он взял луковицу, разрезал её на четыре части и вместе с шелухой бросил в банку.

— Шелуха цвет даст, золотистый, — подмигнул он Юре. — Но главный секрет — вот!

И он извлёк откуда-то из-под стола пузатую бутылку с мутноватой жидкостью. Это была чача. Дед плеснул граммов пятьдесят, не больше, и над летней кухней поплыл терпкий, крепкий виноградный дух. Последним штрихом стал пучок свежей кинзы и несколько раздавленных зубчиков чеснока.

— Всё, — Всеволод Игнатович бережно опустил куски мяса в это ароматное месиво и принялся массировать их руками, втирая маринад в каждую прожилку. — Теперь пусть стоит. Через три часа это будет не мясо, а песня. Когда вернётесь с речки, я как раз угли разведу.

Юра сглотнул слюну, уже представляя шипящий, истекающий соком шашлык.

— Здорово! — выдохнул он.

— Ну, всё, пловец, — раздался со двора голос Дмитрия. — Квас взяли, полотенца взяли. По коням!

Дорога к реке шла через старый яблоневый сад, потом спускалась по меловому склону к густым зарослям ракитника. Воздух уже звенел от зноя. Где-то в траве неумолчно трещали цикады.

Юра бежал впереди родителей, размахивая корзинкой, и не знал, не помнил, не догадывался о том, какой разговор остался в библиотеке, запертый вместе с кожаной папкой. Он просто знал, что впереди — искрящаяся на солнце вода, горячий песок и беззаботный день.

Анна шла медленно, опираясь на руку мужа. Она смотрела на спину сына, на его вихрастый затылок и смешные, по-мальчишечьи торчащие лопатки, и думала о том, что «Феникс» — красивое слово. Но она помнила Яну. И знала, что огонь, из которого восстаёт Феникс, сжигает дотла.

— Дима, — тихо сказала она, когда Юра скрылся за поворотом. — Мы справимся?

Дмитрий сжал её ладонь. Ответил не сразу.

— У нас нет выбора, — сказал он наконец. — Мы должны верить, что наш сын — просто мальчик. Хотя бы сегодня. Хотя бы сейчас.

Впереди, из-за деревьев, уже блеснула река, и Юра, добежав до берега, издал восторженный вопль, эхом разлетевшийся над водой.

Война, секретные лаборатории, клиническая смерть и дар, который был страшнее любой мутации, — всё это осталось там, за плотно закрытой дверью кабинета. А здесь был летний день, жара и обещание самого вкусного в мире шашлыка по-сочински. И Юра, конечно же, ничего не помнил.

Но, как течёт песок в песочных часах, время с момента событий пошло вперёд.

Сентябрь 1961 года

Пять лет пролетели как одно жаркое лето. Юре исполнилось двенадцать, и от того вихрастого мальчишки, что бежал к реке с корзинкой в руках, почти ничего не осталось. Теперь это был угловатый, вытянувшийся подросток с острыми коленками, вечно ободранными локтями и серьёзным не по годам взглядом серых глаз. Семья давно перебралась с дачи обратно в город, в старую профессорскую квартиру с высоченными потолками и бесконечными книжными шкафами. Дед Всеволод Игнатович занимал самую дальнюю комнату, превращённую в подобие лаборатории — с микроскопом, колбами и картами звёздного неба на стенах.

Школа, в которой учился Юра, носила имя какого-то героя Гражданской войны и стояла на перекрёстке двух шумных улиц. Старое кирпичное здание с толстыми стенами и узкими окнами-бойницами, внутри пропахшее казённым мелом и мастикой для полов. Именно здесь, в пионерской комнате, увешанной красными флагами и портретами вождей, решалась судьба Юры.

— Не можем мы его принять, — старшая пионервожатая, грузная женщина с пучком седых волос и усталым лицом, развела руками. Перед ней лежала характеристика на Юру, исписанная мелким, убористым почерком классной руководительницы. — Посмотрите сами, Анна Сергеевна. Успеваемость отличная, тут спору нет. Мальчик способный, даже талантливый. Но...

Она замялась, подбирая слова.

— Что «но»? — голос Анны звучал ровно, но пальцы, сжимавшие ремешок сумки, побелели.

— Он... странный, — выпалила вожатая. — Дети его сторонятся. Учителя жалуются. Нет, он не хулиганит, не грубит. Но с ним неуютно. Говорят, он смотрит так, будто насквозь видит. И эти его припадки...

— Это не припадки, — резко оборвала Анна. — Это последствия тяжёлой болезни в раннем детстве. У нас есть все медицинские справки. Эпилепсией он не страдает, для окружающих не опасен.

— Да я понимаю, понимаю, — закивала вожатая. — Но вы поймите и нас. Пионер — он всем ребятам пример. А Юра ваш... Он на прошлой неделе на уроке биологии сказал учительнице, что у неё stones in gallbladder. Это ведь по-английски, да? Камни в жёлчном пузыре. И ведь прав оказался — через три дня Марью Петровну в больницу увезли. А откуда он знал? А в прошлом месяце подошёл к девятикласснику Сомову и сказал: «Не садись сегодня на мотоцикл». Тот посмеялся, сел — и в тот же вечер в аварию попал. Жив остался, но ногу сломал. Дети теперь его колдуном зовут. Шепчутся за спиной. Какое уж тут пионерское движение...

Анна молчала. В висках стучало. Она вспоминала тот день на реке, пять лет назад. Вспоминала, как Юра, накупавшись до посинения, вдруг замер на песке и сказал, глядя куда-то сквозь отца: «Пап, а почему у тебя в груди светится красная точка? Она раньше меньше была». Дмитрий тогда отшутился, но через два года та самая «красная точка» оказалась опухолью,

которую, слава богу, успели вырезать вовремя. И как забыть тот вечер, когда Юра подошёл к деду и тихо спросил: «Дедушка, а кто такая Яна? Она стоит за твоей спиной и плачет. У неё очень длинные мокрые волосы». Всеволод Игнатович тогда посерел лицом и заперся в своей комнате на два дня.

— Я поняла вас, — Анна поднялась со стула. — Всего доброго.

Дома её ждал Дмитрий. Он поставил чайник и молча слушал сбивчивый рассказ жены, нервно постукивая пальцами по столу.

— Отказали, значит, — подытожил он. — Этого следовало ожидать. Пионерская организация — это ведь не только галстук и значок. Это идеология. А наш сын, со своим даром, в их стройные ряды никак не вписывается. Он видит то, чего видеть не положено. Чувствует то, что наука объяснить пока не может. Кому понравится, что рядом ходит ребёнок, который видит твои болезни, твои тайные страхи и, прости господи, твоих мёртвых родственников?

— Что же нам делать? — Анна опустилась на стул. — Он так хотел в пионеры. Галстук, горн, походы... Он будет спрашивать, почему его не приняли. Что я ему скажу?

— Правду, — вдруг раздался голос из коридора. Всеволод Игнатович стоял в дверях, опираясь на свою неизменную трость. — Хватит лжи. Мальчику двенадцать. Дар, который спал, пробуждается. И чем дальше, тем сильнее. Вы думали, что переезд, школа, новые друзья — это поможет? Наивные. «Феникс» не отменишь сменой обстановки. Это не болезнь. Это эволюционный скачок. Другое зрение. Другое восприятие ткани мироздания. И теперь мы должны научить его этим управлять, пока дар не свёл его с ума или не погубил.

Дмитрий резко повернулся к тестю. В глазах его — впервые за долгие годы — полыхнула открытая неприязнь.

— Научить управлять? — переспросил он, чеканя каждое слово. — Вы предлагаете учить ребёнка тому, чего сами до конца не понимаете? Вы, Всеволод Игнатович, всю жизнь изучали этот ваш «Феникс» по дневникам и легендам. А я — врач. Я вижу перед собой мальчика, у которого сенсорная система работает на грани перегрузки. У него бывают головные боли, он теряет ориентацию во времени, он заговаривается. Это не дар, это патология. И я не позволю превращать моего сына в подопытный экземпляр для ваших экспериментов.

— Подопытный экземпляр? — старик подался вперёд, и трость его глухо стукнула о паркет. — Я предлагаю дать ему инструмент, чтобы выжить! Психиатрия, о которой вы сейчас думаете, Дима, — не выход. Они напичкают его галоперидолом, и он превратится в овощ. Вы этого хотите?

— Я хочу, чтобы мой сын был нормальным человеком! — Дмитрий ударил ладонью по столу. Чайник звякнул. — Хочу, чтобы он ходил в школу, дружил с ребятами, влюблялся, строил планы на будущее. А не сидел в вашей «лаборатории», изучая вероятности собственной смерти!

Анна сидела, стиснув руки, переводя взгляд с мужа на отца. Она понимала обоих. И боялась того, что будет дальше.

— Нормальным, — тихо повторил Всеволод Игнатович. — Нормальным. А ты спросил у него, Дима, хочет ли он быть нормальным? Или он хочет понять, почему видит то, чего не видят другие? Почему к нему приходят мёртвые? Почему он знает о болезнях раньше врачей? Ты думаешь, ему легко с этим жить? Ты думаешь, он не чувствует, что с ним что-то не так?

— Я думаю, — Дмитрий выпрямился, — что если мы не вмешаемся сейчас, он сломается. И я сделаю всё, чтобы этого не допустить. Даже если для этого придётся обратиться в районный психоневрологический диспансер.

— Только через мой труп, — отрезал Всеволод Игнатович.

Дверь в комнату Юры была приоткрыта. Мальчик стоял, прижавшись спиной к стене коридора, и слушал. Он давно научился ходить бесшумно. И давно понял, что взрослые, когда думают, что он спит, говорят правду.

Слово «психоневрологический» обожгло его, как пощёчина. Он знал, что это значит. Там лежат «ненормальные». Те, кто разговаривает с потолком, кто боится стен, кто не помнит своего имени. Неужели отец думает, что он — один из них?

Юра тихо, на цыпочках, вернулся в свою комнату. Закрыл дверь. Присел на край кровати. В висках стучало. Перед глазами, как назло, поплыли картинки: белый коридор, люди в халатах, тяжёлая дверь с окошком...

— Нет, — прошептал он. — Нет. Я не сумасшедший.

Он не помнил, как оказался одетым. Не помнил, как открыл окно и выбрался на карниз — благо, второй этаж, и рядом рос старый тополь, чьи ветви почти касались стены. Он лазал по нему сто раз. Тело действовало само, повинуясь древнему инстинкту — бежать.

Через десять минут он уже шагал по тёмной улице, засунув руки в карманы куртки, не разбирая дороги. Ноги сами привели его на пустырь за гаражами — место, известное всем окрестным мальчишкам. Свалка. Ржавые остовы машин, кучи битого кирпича, старые покрышки, поросшие лебедой. Здесь всегда пахло прелым и почему-то — свободой.

Юра забрался на перевёрнутый кузов старого «Москвича», подтянул колени к груди и уставился на закатное небо. Оно было чистым и равнодушным. Он вспомнил, как мама говорила: «Если тебе плохо, посмотри на небо. Там всё настоящее». Но сейчас небо не успокаивало.

— Ну и что теперь? — спросил он сам себя вслух. — Куда мне идти? Кто мне поверит?

Вдруг где-то рядом, за грудами металлолома, послышался звук мотора. Ровный, уверенный рокот, не похожий на дребезжание старой техники, которую иногда сюда пригоняли. Юра поднял голову.

Из-за поворота, освещая сумерки фарами, медленно выехала машина. Низкая, стремительная, ослепительно красная — «Волга» ГАЗ-21. Такие он видел только в кино и на фотографиях в журналах. Хромированный олень на капоте гордо вскинул голову. Машина остановилась метрах в десяти от свалки, и мотор мягко заглох.

Дверца открылась. Из машины вышла девушка. На вид — лет двадцати с небольшим. Стройная, в светлом плаще, с короткой стрижкой тёмных волос. На плече — небольшая сумка. Она не выглядела испуганной и не озиралась по сторонам. Наоборот — двинулась прямо к свалке, уверенно, будто шла по хорошо знакомому маршруту.

Юра замер. Он вдруг отчётливо ощутил — так, как умел только он — что в этой девушке нет угрозы. Но есть что-то другое. Что-то, от чего затылок покалывало, а в груди разливалось странное, забытое чувство. Как будто он встретил человека, которого давно ждал, сам того не зная.

Девушка остановилась неподалёку, посмотрела на него снизу вверх — Юра всё ещё сидел на перевёрнутом кузове — и улыбнулась. Улыбка была не насмешливой, не снисходительной. Просто тёплой.

— Юра? — спросила она, хотя он не называл своего имени. — Я тебя искала. Меня зовут Каролина. Можно просто Кара.

Он молчал, не в силах вымолвить ни слова.

— Не бойся, — она подошла ближе, оперлась о край кузова рядом с ним. — Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Знаю, что ты только что слышал разговор, после которого захотел исчезнуть. И знаю, что ты не сумасшедший. Ты просто... другой. Как и я.

Юра наконец обрёл голос. Хриплый, сорванный:

— Как... как вы меня нашли? И откуда вы знаете моё имя?

Каролина чуть склонила голову набок. В её глазах, тёмных и внимательных, мелькнуло что-то знакомое — то самое, что Юра видел в зеркале, когда смотрел на себя слишком долго.

— Потому что я чувствую то же, что и ты, — сказала она просто. — Вероятности. Их зов. Я шла по этому городу и вдруг поняла — здесь есть кто-то ещё. Кто-то, кто видит то же, что и я. Я искала тебя весь вечер. А когда ты вылез в окно — увидела, куда ты идёшь.

— Вы... тоже видите смерть? — шёпотом спросил Юра.

Каролина помолчала. Потом ответила, глядя ему прямо в глаза:

— Вижу. И знаю, как это тяжело. И знаю, что тебе сейчас нужнее всего — просто чтобы кто-то сказал: ты не один. И ты не болен. Ты просто видишь больше, чем остальные. И этому можно научиться жить. Правда.

Юра почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Он не плакал с восьми лет. Но сейчас, на этой свалке, в сумерках, рядом с незнакомой девушкой в светлом плаще, он вдруг понял, что не хочет больше держаться.

— Мой папа хочет отправить меня в психушку, — сказал он тихо.

Каролина кивнула, будто ждала этих слов.

— Я знаю. Но послушай меня, Юра. Твой отец боится. Он врач и привык всё объяснять болезнями. Он хочет тебя защитить — так, как умеет. Это не значит, что он прав. И это не значит, что ты должен бежать из дома навсегда. Просто... дай мне немного времени. И дай времени разобраться. Хорошо?

— А что вы можете? — с вызовом, но без злости спросил Юра.

— Для начала — поговорить с твоим дедом, — Каролина улыбнулась. — Мне кажется, мы с ним найдём общий язык. А потом — я покажу тебе пару вещей. Таких, которые изменят твой взгляд на то, что с тобой происходит. Обещаю.

Юра молчал. Где-то в глубине души — там, где раньше жил только страх и непонимание, — впервые за многие месяцы шевельнулось что-то похожее на надежду.

— Ладно, — сказал он наконец. — Только... можно я сначала пойду домой? А то дед, наверное, уже с ума сходит.

Каролина рассмеялась — легко и искренне.

— Конечно. Я тебя подвезу. И знаешь что? Твой дед, когда увидит меня, наверняка скажет: «А, это вы». Потому что он-то уж точно знает, кто я такая.

Она открыла перед Юрой дверцу красной «Волги». Салон пах кожей и чем-то неуловимо знакомым — то ли пылью дальних дорог, то ли чужими секретами. Юра скользнул на сиденье, чувствуя себя взрослым и одновременно — маленьким и потерянным.

Машина мягко тронулась с места. За окном проплывали тёмные силуэты гаражей, потом — улицы, редкие фонари, светящиеся окна домов. Каролина вела молча, и это молчание не было тяжёлым.

— Спасибо, — тихо сказал Юра.

— Пока не за что, — ответила она. — Это только начало.

И в её голосе Юре почудилось обещание чего-то большего. Чего-то, что ждало его впереди — за пределами свалки, за пределами страхов, за пределами той жизни, которую он знал.

Он ещё не догадывался, что эта встреча — первый шаг к тому, что перевернёт всё. Но где-то в глубине, там, где время текло чуть иначе, он уже это знал.

Вечером того же дня в доме на тихой улице, где жила семья Юры, произошёл разговор, которого никто из присутствующих не забудет.

Дмитрий стоял у окна, глядя на улицу, когда хлопнула входная дверь. Он обернулся, готовый к тому, что сын вернулся сам, — и замер.

На пороге стоял Юра. А за его спиной — молодая женщина в светлом плаще. Дмитрий открыл рот, но не успел произнести ни слова.

Из глубины квартиры, шаркая тапочками, вышел Всеволод Игнатович. Он посмотрел на Каролину, и лицо его — впервые за долгие годы — не выразило ни удивления, ни испуга. Только тихое, глухое узнавание.

— Каролина Викторовна, — произнёс он медленно. — Я знал, что рано или поздно вы появитесь. Только не думал, что так скоро.

Дмитрий перевёл взгляд с тестя на незнакомку. Анна вышла из кухни, вытирая руки полотенцем.

— Папа, кто это? — спросила она.

— Это, — Всеволод Игнатович оперся на трость и посмотрел прямо на Каролину, — та, о ком я вам не рассказывал. Та, кто может помочь нашему мальчику. И та, кто, боюсь, пришла не просто так.

Каролина шагнула вперёд, снимая сумку с плеча.

— Добрый вечер, — сказала она спокойно. — Простите, что без приглашения. Но я думаю, пришло время нам всем познакомиться. И поговорить. По-настоящему.

Дмитрий шагнул было к ней, но Всеволод Игнатович поднял руку — и в этом жесте было столько скрытой силы, что доктор остановился.

— Дима, — сказал старик тихо. — Выслушай её. Выслушай, прежде чем принимать решения. Это не то, что ты думаешь.

В комнате повисла тишина. Юра стоял между родителями и Каролиной, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Я не сумасшедший, — сказал он вдруг, громко и чётко. — И я не позволю себя лечить. Я хочу понять. И я хочу учиться. Дедушка прав. И... — он запнулся, но нашёл в себе силы продолжить, — и она тоже. Вот.

Анна охнула и прижала ладонь ко рту. Дмитрий медленно опустился на стул, глядя на сына так, словно видел его впервые.

А Всеволод Игнатович впервые за долгие годы улыбнулся — открыто и светло.

— Ну что ж, — сказал он. — Раз так, давайте пить чай. И говорить. У нас много времени, но не так много, как хотелось бы.

Каролина кивнула и, сняв плащ, прошла в комнату.

За окном догорал сентябрьский закат. Деревья роняли первые жёлтые листья. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что в маленькой квартире на тихой улице только что началась история, которой суждено было изменить всё.

Первый контакт состоялся.

Глава 3. Голос из динамика

Красная «Волга» шла мягко, почти бесшумно. За окном проплывали тёмные дворы, редкие фонари, силуэты тополей, будто вырезанные из чёрной бумаги. Юра сидел, вжавшись в кожаную спинку сиденья, и держал портфель на коленях, как щит. Каролина вела молча. Это молчание не давило, но и не успокаивало — в нём было слишком много того, что ещё предстояло сказать.

— Ты спросил, откуда я тебя знаю, — наконец произнесла она, не поворачивая головы. — Я соврала наполовину. Я действительно почувствовала тебя. Но не потому, что мы с тобой одинаковые. А потому, что я ищу таких, как ты. Уже давно.

Юра повернулся к ней.

— Вы из Комитета?

Каролина усмехнулась — коротко, без веселья.

— Нет. И, надеюсь, никогда там не окажусь. Хотя, судя по тому, что я слышала о твоей школе, они уже рядом. — Она бросила на него быстрый взгляд. — Поэтому я и пришла сегодня, а не завтра. Завтра может быть поздно.

— Вы знаете про людей с щитом и мечом?

— Знаю. Их называют «охотниками». Они не из КГБ, Юра. Они из организации, которая старше КГБ и, боюсь, старше многих государств. Они ищут не шпионов. Они ищут то, что не вписывается в их картинку мира. И ты в неё не вписываешься.

Машина свернула в переулок и остановилась у старого тополя, того самого, по которому Юра лазал сто раз. Он узнал свой двор. Узнал окно на втором этаже, где горел свет. И вдруг понял, что не хочет выходить.

— Расскажите, — тихо сказал он. — Пожалуйста. Кто вы?

Каролина выключила мотор. Некоторое время сидела неподвижно, глядя сквозь лобовое стекло на тёмный двор, будто собираясь с силами.

— Меня зовут Каролина Викторовна Штерн. Я родилась в Германии, в Дрездене, в 1921 году. Отец — инженер, мать — учительница музыки. В тридцать девятом я поступила в технический университет. Хотела строить мосты. — Она чуть улыбнулась. — Смешно, правда? Я всю жизнь строила мосты. Только не те, о которых мечтала.

— Война? — спросил Юра.

— Война, — кивнула она. — В сорок третьем Дрезден бомбили. Я была в подвале университетского корпуса, когда здание сложилось. Меня достали из-под плиты через двое суток. Врачи сказали: чудо, что жива. А через месяц я умерла. В госпитале, на операционном столе. Сердце остановилось. — Она помолчала. — И тогда я услышала голос из динамика.

— Из динамика?

— Так я это называю. Не свет в конце тоннеля. Не ангелы. Голос — сухой, металлический, будто из репродуктора на вокзале. Он сказал: «Вернись. Ты нужна». И я вернулась. Только вернулась не совсем собой.

Каролина подняла руку и посмотрела на неё так, словно видела впервые. В свете уличного фонаря её пальцы казались слишком гладкими, слишком правильными. Она медленно сняла перчатку. Под ней — не кожа. Матовый, чуть отливающий серебром металл, тонкие сочленения, похожие на суставы, но собранные с точностью часового механизма.

Юра отшатнулся.

— Не бойся, — спокойно сказала Каролина. — Это не зараза. Это я. Вернее, то, во что я превратилась. Тогда, в сорок третьем, я не просто вернулась. Я перешла. Меня будто перенесли в металл. Сознание осталось человеческим, а тело... тело стало другим. Я долго не понимала, что со мной. Пока не встретила человека, который объяснил: таких, как я, называют «перешедшими». Мы прошли через смерть и вернулись — но не в прежнюю плоть. Кто-то — в металл. Кто-то — в стекло. Кто-то — в огонь. Каждый — во что-то своё.

— И вы... — Юра сглотнул. — Вы теперь робот?

Каролина тихо рассмеялась.

— Я предпочитаю слово «перешедшая». Но да, если тебе так понятнее — робот. Женщина-робот. Звучит как название дешёвого фантастического романа, правда? — Она натянула перчатку обратно. — Я не старею. Я не болею. Я могу поднять машину и не почувствовать тяжести. Но я помню, как бьётся человеческое сердце. И это самое трудное.

— А голос из динамика? Он... говорил ещё?

— Говорил. И говорит. Иногда я слышу его, когда рядом появляется кто-то вроде тебя. Он не приказывает. Он предупреждает. — Она повернулась к Юре. — Сегодня утром он сказал: «Мальчик на свалке. Он не один». Я поехала. И нашла тебя.

Юра молчал. Всё, что говорила эта женщина, было невозможно, нелепо, страшно. И в то же время в её словах была та самая простота, которой не было ни в словах отца, ни в словах деда. Она не пугала его. Она не обещала вылечить. Она просто говорила: ты не один.

— Значит, я тоже... перешедший? — спросил он наконец.

— Не знаю, — честно ответила Каролина. — Ты не умирал. Но твой дед прав: в тебе есть то, что не вписывается в обычную человеческую природу. «Феникс», как он это называет. Я видела таких. Они не роботы и не перешедшие. Они — те, кто видит вероятности. И они очень, очень нужны «охотникам».

— Зачем?

— Затем, что «охотники» боятся. — Каролина сказала это просто, без пафоса. — Они боятся всего, что не могут объяснить. А ты — то, что они не могут объяснить. Поэтому они придут. И поэтому мы уедем.

— Куда?

— Для начала — к твоей бабушке Лизе. В Сочи. Там нас не будут искать. По крайней мере, не сразу.

Юра хотел ответить, но в этот момент в зеркале заднего вида мелькнули фары. Две пары. Чёрные, низкие, стремительные машины вывернули из-за угла и остановились метрах в пятидесяти, не заглушая моторов.

Каролина напряглась. Её лицо в одно мгновение стало другим — жёстким, собранным, без тени той тёплой улыбки, что была минуту назад.

— Они, — коротко сказала она. — Быстрее. Пристегнись.

— Это «Форды», — прошептал Юра, узнавая характерные обводы. — У нас таких почти нет.

— У них есть. — Каролина повернула ключ. Мотор «Волги» взревел. — Держись.

Машина рванула с места так, что Юру вжало в сиденье. Двор, тополь, окно с жёлтым светом — всё смешалось и понеслось назад. Чёрные «Форды» сорвались следом, почти синхронно, будто ими управлял один водитель.

— Кто они? — крикнул Юра, хватаясь за ручку двери.

— Люди, которые считают, что таких, как ты, нужно изучать. В лабораториях. Под наркозом. — Каролина крутанула руль, и «Волга» с визгом ушла в узкий проулок, обдав пылью кусты. — Или того хуже. Они не злые. Они просто уверены, что спасают мир. А мы в их картине мира — ошибка, которую надо исправить.

Сзади раздался резкий, требовательный гудок. Один из «Фордов» вырвался вперёд, пытаясь прижать их к обочине. Каролина ударила по тормозам, и Юру бросило вперёд, ремень впился в плечо. «Волга» юзом прошла поворот, чудом не задев фонарный столб.

— Держись крепче, — сказала Каролина, и в её голосе Юра впервые услышал что-то металлическое. — Сейчас будет некрасиво.

Она резко вывернула руль вправо. «Волга» вылетела на пустырь — тот самый, за гаражами, где они познакомились. Здесь было темно, только редкие фонари бросали жёлтые пятна на ржавые остовы машин. Каролина остановила «Волгу» посреди свалки, заглушила мотор и повернулась к Юре.

— Выходи. И спрячься за тем перевёрнутым кузовом. Не высовывайся, что бы ты ни увидел. Понял?

— А вы?

— А я их задержу.

— Их двое! — Юра схватил её за рукав. — Там, наверное, люди с оружием!

Каролина посмотрела на его руку, потом на него. И улыбнулась — на этот раз не тепло, а страшно, будто изнутри неё выглянуло что-то древнее и очень холодное.

— Юра. Я — женщина-робот. Я умерла в сорок третьем и вернулась в металле. — Она мягко сняла его пальцы со своего рукава. — Поверь мне. Это они должны бояться.

Она вышла из машины. Юра выскользнул следом и, пригнувшись, нырнул за перевёрнутый кузов «Москвича». Отсюда ему было видно всё: и пустырь, и два чёрных «Форда», остановившихся метрах в двадцати, и Каролину, стоящую между ними и «Волгой», — тонкую, светлую, беззащитную на вид.

Из «Фордов» вышли четверо. Двое — в серых плащах, с чем-то тяжёлым в руках. Третий — коренастый, тот самый, что говорил с Юрой у школы. Четвёртый — сухощавый, в очках без оправы, с механической улыбкой.

— Каролина Викторовна, — произнёс сухощавый, и его голос разнёсся над пустырём. — Вы понимаете, что усложняете всем жизнь. Отдайте мальчика. Он нужен нам. Ему нужны мы.

— Ему нужен покой, — ответила Каролина. — И люди, которые не станут его резать.

— Мы не режем. Мы исследуем.

— Я знаю, как вы исследуете. — Она сделала шаг вперёд. — Я видела ваши лаборатории. В сорок пятом. В Мюнхене.

Сухощавый чуть склонил голову набок, будто вспоминая.

— Ах да. Вы тогда были... моложе. И, признаться, мы не ожидали, что вы выживете. Ваш случай до сих пор в архивах. «Объект 17». Переход в металл. Уникальный.

— Я не объект, — сказала Каролина. И в её голосе снова зазвучал металл.

Коренастый поднял руку. Один из людей в плащах вскинул оружие — короткий, толстый, с раструбом на конце. Юра не знал, что это, но от него веяло холодом.

— Последнее предупреждение, — сказал коренастый. — Отойдите.

Каролина не отошла. Она сняла перчатки — медленно, аккуратно, будто готовясь к чему-то важному. И тогда Юра увидел её руки целиком. Металл не был гладким, как у манекена. Он был живым — тонкие пластины двигались под «кожей», сочленения переливались серебром, а на кончиках пальцев вспыхнули крошечные, едва заметные искры.

— Юра, — не оборачиваясь, сказала она. — Закрой глаза. И не открывай, пока я не скажу.

Юра зажмурился. И всё равно увидел — сквозь веки, сквозь ладони, которыми он закрыл лицо. Вспышку. Не свет — звук, ставший светом. Металлический скрежет, будто кто-то разом разорвал тонну фольги. Крик. Не человеческий — механический, сдавленный. И глухой удар, от которого свалка вздрогнула.

Он не выдержал. Открыл глаза.

Каролина стояла на прежнем месте, но вокруг неё воздух дрожал, как над раскалённым асфальтом. Её правая рука была вытянута вперёд, и от неё к одному из «Фордов» тянулась тонкая, почти невидимая нить — не провод, не трос, а что-то вроде струны из натянутого света. «Форд» висел в воздухе, приподнятый над землёй на полметра, и его передние колёса беспомощно крутились. Люди в плащах попадали на землю; оружие одного валялось в стороне, оплавленное, будто побывавшее в печи.

Коренастый успел отскочить. Сухощавый — нет. Он стоял, прижатый к капоту второго «Форда», и его механическая улыбка наконец исчезла.

— Вы... — прохрипел он. — Вы не имеете права. Мы действуем по протоколу...

— Ваш протокол меня не касается, — сказала Каролина. Голос её был ровным, но в нём слышался тот самый голос из динамика — сухой, металлический, нечеловеческий. — Передайте своим: мальчик под моей защитой. Если я увижу ещё один чёрный «Форд» рядом с ним — я не буду вежливой.

Она разжала руку. «Форд» с грохотом рухнул на землю, подпрыгнул на рессорах и замер. Коренастый бросился к сухощавому, подхватил его под локоть и потащил к уцелевшей машине. Через полминуты оба «Форда», взревев моторами, умчались в темноту, оставив после себя запах палёной резины и что-то ещё — резкое, химическое, будто сожгли пучок проводов.

Каролина опустила руки. Некоторое время стояла неподвижно, глядя вслед машинам. Потом медленно повернулась к Юре. Металлический блеск в её глазах погас, искры на пальцах исчезли. Она снова была просто женщиной в светлом плаще — усталой и очень бледной.

— Всё, — сказала она тихо. — Они не вернутся сегодня. Но вернутся завтра. И послезавтра. Нам нужно уехать. Сейчас.

Юра поднялся из-за кузова. Ноги дрожали. Он хотел спросить что-то — про нить, про висящий в воздухе «Форд», про голос из динамика, — но вместо этого сказал совсем другое:

— Вы... вы их не убили?

Каролина посмотрела на него с неожиданной теплотой.

— Нет. Я не убиваю людей, Юра. Даже таких. — Она помолчала. — Я ведь тоже когда-то была человеком. И помню, как это — бояться.

Она подошла к «Волге», открыла дверцу.

— Нам нужно забрать деда. И твою маму. Отца, боюсь, мы не успеем убедить, но дед... дед поймёт. Он уже понял, когда увидел меня на пороге. Он знал, что я приду. Знал, что придётся уехать.

— В Сочи? — спросил Юра, садясь в машину.

— В Сочи, — кивнула Каролина. — К бабушке Лизе. Там нас не будут искать. По крайней мере, не сразу. А пока мы едем — я расскажу тебе всё, что знаю. О «Фениксе». О перешедших. О голосе из динамика. И о том, почему «охотники» боятся тебя больше, чем ты их.

Мотор мягко заурчал. «Волга» выехала со свалки и растворилась в тёмных улицах города.

Домой они добрались глубоко за полночь. Дверь открыл дед — в халате, с тростью, но совершенно не сонный. Он будто ждал.

— Я знал, — сказал он, увидев Каролину. — С самого вечера знал, что вы придёте. И что придётся уезжать.

— Всеволод Игнатович, — Каролина кивнула. — Нам нужно в Сочи. Сегодня же. Или, точнее, завтра на рассвете. «Охотники» уже знают, где живёт Юра. Они не будут ждать.

Дед посмотрел на Юру. Долго, внимательно.

— Ты видел? — спросил он.

— Видел, — ответил Юра. — Она... она подняла машину в воздух. И у неё руки из металла.

Всеволод Игнатович медленно опустился в кресло.

— Значит, началось, — сказал он тихо. — То, чего я боялся и чего ждал. — Он поднял глаза на Каролину. — Вы заберёте его?

— Мы заберём его. И вас, если вы согласны. И Анну Сергеевну. — Каролина помолчала. — Дмитрий Алексеевич... боюсь, он не поедет. Он слишком верит в то, что всё можно объяснить медициной.

Дед кивнул, будто ждал этих слов.

— Дима останется, — сказал он. — Это его выбор. Но Юру мы увезём. — Он поднялся. — Я соберу вещи. И папку. Она понадобится.

— Деда, — тихо сказал Юра. — А мама?

— Мама поедет, — раздался голос из коридора. Анна стояла в дверях, закутавшись в шаль. Лицо у неё было заплаканное, но глаза — твёрдые. — Я слышала всё. И я не оставлю сына. — Она посмотрела на Каролину. — Вы... вы действительно можете его защитить?

— Могу, — сказала Каролина. — Но не одна. Ему нужны вы. И дед. И бабушка Лиза. «Феникс» — это не дар и не проклятие. Это то, что растёт. И если его растить в страхе — он сожжёт всё вокруг. А если в любви — он сможет то, чего не сможет никто.

Анна медленно кивнула.

— Тогда едем.

На рассвете, когда город ещё спал, красная «Волга» выехала из Москвы. В ней сидели Каролина за рулём, Юра рядом, Анна и Всеволод Игнатович — сзади. Дмитрий остался. Он стоял на балконе, в халате, и смотрел, как машина сворачивает за угол. Юра обернулся и увидел его — маленькую фигурку на фоне серого неба. Отец не махал. Просто стоял и смотрел.

— Он поймёт, — тихо сказала Анна, будто отвечая на мысль сына. — Когда-нибудь. Поймёт.

— Может быть, — сказал Юра.

Дорога шла на юг. Через поля, через реки, через города, которые Юра видел только на картах. Каролина вела машину ровно, уверенно, почти не останавливаясь. И всю дорогу она

говорила. О Дрездене. О бомбёжке. О голосе из динамика. О том, как очнулась в металлическом теле и не узнала себя в зеркале. О том, как училась жить заново — не дышать, не спать, не чувствовать боли, но помнить, как это — быть человеком. О «перешедших», которые прячутся по всему миру. О «охотниках», которые ищут их десятилетиями. И о «Фениксе» — даре видеть вероятности, который «охотники» боятся больше всего, потому что его нельзя ни просчитать, ни остановить.

Юра слушал. Иногда задавал вопросы. Иногда молчал. И постепенно в нём росло странное, непривычное чувство — будто он наконец нашёл место, где его странность не болезнь и не проклятие, а просто... часть его самого.

К вечеру второго дня они въехали в Сочи. Город встретил их влажным субтропическим воздухом, запахом самшита и кипарисов, серпантином дорог, поднимавшихся вверх, к горам. Дом бабушки Лизы стоял на склоне — крепость из посеревшего от солнца камня, с коваными воротами, увитыми плющом.

Каролина остановила «Волгу» у ворот. Дверь открылась почти сразу, будто их ждали. На пороге стояла высокая, статная женщина с тяжёлым серебряным узлом волос на затылке. Елизавета Андреевна. Бабушка Лиза.

Она посмотрела на Юру, на Анну, на деда, на Каролину. И вдруг улыбнулась — открыто, светло, будто ждала их очень долго.

— Ну наконец-то, — сказала она. — Я думала, вы никогда не приедете.

— Вы знали? — спросил Юра.

— Знала, — просто ответила бабушка Лиза. — Я всегда знала, что ты приедешь. И что привезёшь с собой войну. — Она обняла его, крепко, по-мужски. — Но здесь, в горах, война подождёт. Здесь время течёт иначе. И здесь ты, наконец, сможешь выспаться.

Юра вошёл в дом. Запах старых книг, сушёных трав и моря. Тот самый запах, который он помнил с детства. И впервые за долгое время ему показалось, что всё будет хорошо.

А где-то далеко, в Москве, на тихой улице, Дмитрий Алексеевич стоял у окна и смотрел на пустой двор. В его руке была фотография — Юра, семилетний, с удочкой на берегу реки, смеётся. Дмитрий долго смотрел на неё. Потом положил на стол, рядом с папкой, которую дед забыл забрать. На папке было написано: «Феникс».

Он не знал, что делать дальше. Но он знал, что где-то на юге его сын сейчас впервые за долгое время дышит свободно. И это было важнее всего остального.

Глава 4. Список Арсенова

Сочи встретил их не солнцем, а тяжёлой, влажной духотой. Море лежало за домами серой полосой, и даже кипарисы у ворот бабушкиного дома казались припудренными пылью. Каролина заглушила мотор у калитки, но никто не вышел из машины сразу. Все смотрели на дверь дома, будто ждали, что она откроется сама.

Она и открылась.

Бабушка Лиза стояла на пороге в тёмном платье, с серебряным узлом волос на затылке, и в её глазах не было ни удивления, ни страха. Только тяжёлое, давнее знание. Она посмотрела на Юру, потом на Каролину, потом на Анну и Всеволода Игнатовича — и отступила в сторону.

— Заходите, — сказала она. — Быстро. И без разговоров во дворе.

В доме пахло лавандой и старыми книгами. Бабушка провела их не в гостиную, а на второй этаж, в ту самую комнату, где пять лет назад показывала Юре книгу прапрабабки Яны. Теперь на столе горела лампа под зелёным абажуром, а рядом лежала кожаная папка, которую Юра видел в руках деда в ночь разговора о «Фениксе». Дед, кряхтя, опустился в кресло. Каролина осталась стоять у окна — спиной к комнате, лицом к тёмному саду.

— Садись, Юра, — сказала бабушка Лиза. — И слушай. Потом вопросы задашь.

Она открыла папку. Внутри были пожелтевшие листы, фотографии, вырезки из газет. Бабушка достала одну фотографию — групповую, довоенную. На ней стояли молодые муж-

чины в белых халатах и женщины в платьях с высокими воротниками. В центре — девушка с длинными косами и смелыми глазами.

— Это Яна, — сказала бабушка. — Твоя двоюродная прабабка. Сестра моего мужа. Ты знаешь её портрет в гостиной. Ты не знаешь, что она была не просто героиней. Она была первой. Или одной из первых. До войны, Юра, в тридцатых, в Москве существовала лаборатория. Не та, где делали лекарства. Другая. Там изучали то, что тогда называли «пограничными состояниями». Смерть, сон, видения. Люди там были не злодеи. Они верили, что человек — это не только тело. И они искали тех, у кого кровь помнит больше, чем разум.

Юра слушал, сцепив руки на коленях. Анна сидела рядом, бледная, но не перебивала. Всеволод Игнатович смотрел в окно, будто видел там что-то своё.

— Они нашли троих, — продолжала бабушка. — Троих, у кого дар был сильным настолько, что его можно было изучать. Первая — Яна. Вторая — московская девушка, математик, которая видела не образы, а числа. Она могла за минуту решить то, на что другим нужны были годы. И третья — юноша из Ленинграда. Он слышал смерть. Не видел — слышал. Как звук, как радиоволну. Его звали… — Бабушка замялась, провела пальцем по краю листа. — В документах только фамилия. Арсенов.

Юра поднял голову. Впервые за вечер имя прозвучало так, будто за ним стояло что-то тяжёлое.

— Что с ними стало? — тихо спросил он.

— Яна погибла на войне, — сказала бабушка. — Но не так, как написано в похоронке. Она не просто закрыла собой командира. Она ушла туда, куда уходят те, кто видит будущее. В момент смерти она увидела что-то настолько важное, что не смогла вернуться. Математик умерла в эвакуации. Официально — тиф. На самом деле — её тело не выдержало того, что она видела. Третий… — Бабушка посмотрела на деда. — Третий исчез. В сорок первом. Его искали. Не нашли. Или не захотели найти.

— Арсенов, — повторил Юра. — Это он? Тот самый?..

— Я не знаю, — честно сказала бабушка. — Но когда Каролина везла тебя сюда, я почувствовала, что рядом с нами появился кто-то ещё. Не «охотники». Другой. Тихий. Как будто он шёл за вами от самой Москвы и ждал, когда мы остановимся.

Каролина у окна чуть повернула голову.

— Я его не чувствовала, — сказала она.

— Ты не видишь то, что вижу я, — ответила бабушка. — И слава богу. Некоторое знание не для металлических глаз.

Она закрыла папку и подтолкнула её к Юре.

— Здесь всё, что осталось. Адрес клиники под Москвой, где Яна работала перед войной. Она заброшена с пятидесятых. В её кабинете был тайник. Яна писала мне об этом в последнем письме. Она просила: «Если со мной что-то случится, Лиза, забери оттуда список». Список тех, кто был в проекте. Всех. Не только троих. И я не смогла. Я боялась. А теперь — ты.

Юра взял папку. Она была тяжёлой, как книга прапрабабки, и такой же тёплой.

— Мы поедем туда, — сказал он. — Сегодня.

— Нет, — сказала Каролина от окна. — Сегодня мы поедем туда, но не за документами. Сначала мы посмотрим, кто стоит у ворот.

Все обернулись. За окном, в сгущающихся сумерках, у кованой калитки стояла чёрная «Волга». Не красная, не серая — чёрная, с тускло блестящим хромом и номером, который ничего не говорил ни Юре, ни деду. Мотор не работал. Машина просто стояла, будто ждала.

— Он не прячется, — сказала бабушка. — Значит, хочет, чтобы его увидели. Юра, возьми папку. И спустись первым. Только ты.

— Почему я?

— Потому что он пришёл не к нам, — сказала бабушка. — Он пришёл к тебе.

Юра спустился по скрипучей лестнице, прошёл через двор, где пахло виноградом и пылью, и открыл калитку. Чёрная «Волга» стояла в трёх шагах. За рулём сидел человек. Он вышел не сразу — сначала погасил фары, потом открыл дверцу. Высокий, сухой, в тёмном пальто, несмотря на жару. Лет пятидесяти, с седыми висками и внимательными, почти неподвижными глазами. Он не улыбнулся. Не протянул руку. Просто стоял и смотрел на Юру так, будто видел его давно, очень давно, и только сейчас смог рассмотреть.

— Юра, — сказал он. Голос был низкий, спокойный, без угрозы. — Я знал твоего деда. И Яну. Меня зовут Арсенов. Виктор Арсенов.

Юра почувствовал, как папка под мышкой стала горячей, будто кожаная обложка отреагировала на имя.

— Вы тот самый, — сказал он. — Который слышит смерть.

Арсенов чуть склонил голову набок. В его глазах не было ни удивления, ни страха — только усталое, давнее узнавание.

— Значит, бабушка рассказала. Хорошо. Меньше придётся объяснять. — Он посмотрел на окна дома, где за занавесками угадывались силуэты. — Я не пришёл вас пугать. Я пришёл предупредить. Завтра утром в Сочи будут «охотники». Не те, что были в Москве. Другие. Они знают, что мальчик здесь. И они знают, что вы поедете в клинику.

— Откуда вы знаете? — спросил Юра.

— Я слышал, — просто ответил Арсенов. — Не спрашивай как. Я слышал, как они говорят об этом. В эфире. В проводах. В смерти, которая пока не случилась, но уже близко. — Он сделал шаг вперёд. — Я могу вам помочь. Не потому, что я добрый. Я не добрый. Я старый и усталый. Но я был в списке Яны. Я знаю, что там написано. И я знаю, что «охотники» не должны этого получить.

Юра обернулся. На крыльце стояла Каролина. Она не спускалась, не звала. Просто смотрела на Арсенова так, как смотрят на человека, которого ждали очень долго и всё равно не готовы были увидеть.

— Что вы предлагаете? — спросил Юра.

— Поехать в клинику сейчас, — сказал Арсенов. — Ночью. Пока «охотники» думают, что вы будете спать. Я знаю дорогу. Я знаю, где тайник. И я знаю, что вы не должны брать с собой никого, кроме меня и Каролины Викторовны. Бабушка останется здесь. Если мы не вернёмся к утру — она уничтожит папку.

— А почему я должен вам верить? — прямо спросил Юра.

Арсенов посмотрел на него. Долго. Без обиды.

— Потому что я мог войти в дом, пока вы спали, — сказал он. — И забрать папку сам. Но я не вошёл. Я стоял у ворот и ждал, когда меня увидят. Это всё, что я могу тебе дать, Юра. Больше у меня ничего нет.

Сзади скрипнула калитка. На пороге стоял Всеволод Игнатович, опираясь на трость. Он смотрел на Арсенова, и в его взгляде было то же, что и в глазах бабушки, — тяжёлое, горькое узнавание.

— Виктор, — сказал дед. — Ты всё-таки пришёл.

— Пришёл, Сергей Игнатович, — ответил Арсенов. — Поздно. Но пришёл.

Дед помолчал. Потом повернулся к Юре.

— Езжай, — сказал он. — Но вернись. И привези список. Яна просила. Я не смог. Ты сможешь.

Юра кивнул. Он не знал, что будет дальше. Он не знал, что найдёт в заброшенной клинике, что увидит в бумагах, что скажет Арсенов, когда они останутся одни в чёрной «Волге» на ночной дороге. Но он знал одно: он больше не бежит. Он идёт туда, куда его ведёт кровь. И, может быть, впервые за долгое время — не один.

Через полчаса две машины — красная «Волга» Каролины и чёрная «Волга» Арсенова — выехали из Сочи в сторону старой дороги на Адлер. Бабушка Лиза стояла у калитки, пока фары не растворились за поворотом. Потом она вернулась в дом, заперла дверь на засов и положила папку в тайник за печью. Она знала: если они не вернутся к утру, папка исчезнет. Но она также знала, что утро будет тяжёлым.

А на заднем сиденье чёрной «Волги» Юра открыл папку и увидел на первом листе список. Три имени, написанные от руки. Яна. Математик. Арсенов. И внизу — приписка, сделанная другим почерком, более поздним: «Четвёртый — мальчик. Найти до того, как найдут они».

Юра поднял глаза. Арсенов смотрел на дорогу.

— Это про меня? — спросил Юра.

— Это про тебя, — сказал Арсенов. — И теперь ты знаешь, почему я здесь.

Он не улыбнулся. Но в его голосе было что-то, чего Юра не слышал раньше. Не тепло. Не доброту. Что-то более прочное. Союз.

Первый союз.

Глава 5. Дочь врага

Ночь на юге пахла не морем, а пылью, полынью и остывающим камнем. Красная «Волга» шла ровно, без спешки, но и без той расслабленности, что была днём. Каролина вела одной рукой, второй изредка касаясь рычага передач, будто проверяя, на месте ли он. Юра сидел рядом, прижимая к груди папку с надписью «Феникс», и смотрел, как в свете фар проносятся сухие кусты, ограждения, редкие дорожные знаки.

Арсенов ехал впереди, в чёрной «Волге». Его задние габариты то появлялись, то исчезали за поворотами — две красные точки, ровные, как капли крови на чёрной бумаге. Юра старался не думать о том, что сказал этот человек у калитки. «Я слышал». Слышал смерть. Слышал, как «охотники» говорят о нём в проводах и в эфире. Всё это было слишком похоже на бред, и всё же Юра ловил себя на том, что верит.

— Ты долго молчишь, — сказала Каролина, не поворачивая головы. — Это нехорошо. Когда человек долго молчит после такого дня, у него в голове либо страх, либо вопросы. Страх я могу убрать. Вопросы — нет. Вопросы придётся задавать.

— Их слишком много, — честно ответил Юра. — Я не знаю, с чего начать.

— Начни с простого. Кто я. Что такое «Феникс». Почему «охотники» хотят тебя забрать. — Она чуть улыбнулась, и в свете приборной панели её лицо показалось почти человеческим. — Начни с того, что тебе важнее всего понять. Остальное подождёт.

Юра помолчал. Потом спросил:

— Вы сказали, что вы «перешедшая». Что вы умерли и вернулись в металле. Но вы ведь не всегда были металлом. Вы были человеком. Женщиной. У вас была жизнь. Семья. Может быть, дети.

Руки Каролины на руле не дрогнули. Но что-то в её лице изменилось — тонкая, почти незаметная тень прошла по нему, как облако по солнцу.

— Была, — сказала она тихо. — В Дрездене. До войны. Я училась в техническом университете, хотела строить мосты. У меня был отец-инженер и мать, которая играла на фортепиано. И был… человек. Его звали Ханс. Он был архитектором. Мы должны были пожениться весной сорок третьего. — Она помолчала. — В феврале сорок третьего Дрезден бомбили. Ханс погиб в ту ночь. А я оказалась в подвале университетского корпуса. Меня достали из-под плиты через двое суток. Врачи сказали: чудо, что жива. А через месяц я умерла на операционном столе. Сердце остановилось. И тогда я услышала голос из динамика.

— И вы вернулись, — сказал Юра.

— Вернулась, — кивнула Каролина. — Но не в прежнюю плоть. Я очнулась в металле. В том, что вы, люди, называете машиной. Я не дышала. Не спала. Не чувствовала боли. Но я помнила, как это — быть человеком. И это было самое трудное.

— А голос из динамика? Он говорил ещё?

— Говорил. И говорит. — Каролина бросила на него короткий взгляд. — Он не приказывает. Он предупреждает. Сегодня утром он сказал: «Мальчик на свалке. Он не один». Я поехала. И нашла тебя.

Юра хотел спросить ещё что-то, но в этот момент впереди, в свете фар чёрной «Волги», мелькнуло что-то красное. Не габаритный огонь. Не знак. Что-то живое.

Арсенов резко сбросил скорость. Каролина сделала то же самое — без рывка, плавно, будто машина сама поняла, что нужно остановиться. Обе «Волги» замерли на обочине, метрах в двадцати друг от друга. Впереди, у края обрыва, где дорога делала крутой поворот, стояла девушка.

Она была в длинном красном платье, которое трепал ветер. Тёмные волосы выбились из-под платка, лицо — бледное, с острыми скулами. Она стояла спиной к дороге, лицом к пропасти, и одной рукой придерживала округлившийся живот. Беременная. На краю обрыва. Ночью.

— Не выходи, — сказала Каролина резко, и в её голосе впервые за вечер прозвучала сталь. — Сиди в машине.

— Но она…

— Я знаю, кто она. — Каролина открыла дверцу. — Её зовут Ирина Воронцова. Дочь генерала Воронцова. Того самого, который приходил к твоему деду.

Юра замер. Воронцов. Фамилия, которая звучала в кабинете деда, в разговоре о «Фениксе» и «охотниках». Человек, который пришёл за ним.

— Дочь врага? — тихо спросил он.

— Не спеши с выводами, — ответила Каролина и вышла из машины.

Арсенов уже стоял у своей «Волги», не приближаясь к девушке, но и не отступая. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, которого давно ждали и всё равно не готовы были увидеть.

Ирина не обернулась. Она стояла неподвижно, и ветер играл подолом её платья, и в этом было что-то неестественное — слишком спокойное для человека, стоящего над пропастью.

— Ирина Константиновна, — позвала Каролина. Голос её был ровным, без угрозы. — Отойдите от края. Пожалуйста.

Девушка медленно повернула голову. Её глаза — зелёные, как два изумруда, — скользнули по Каролине, по Арсенову, и остановились на Юре, который всё-таки вышел из машины, не выдержав.

— Ты, — сказала она. Голос у неё был тихий, но не слабый. — Мальчик с галстуком. Я видела тебя во сне. Ты стоял на скале, и корабли горели.

Юра похолодел. Это был его сон. Тот самый, что он видел в поезде, пять лет назад. Чёрная вода, огонь, корабли.

— Откуда вы знаете? — выдохнул он.

— Я много чего знаю, — ответила Ирина. — Я вижу то, что было, и то, что будет. Иногда. С тех пор, как… — Она замолчала, и её рука снова легла на живот. — С тех пор, как всё случилось.

Каролина сделала шаг вперёд.

— Ирина, вам нужно отойти от края. Мы можем поговорить в машине. Или в доме. Здесь холодно.

— Мне не холодно, — сказала Ирина. Но всё же отступила на шаг, потом ещё на шаг, пока не оказалась на твёрдой земле. — Я не собиралась прыгать. Я просто смотрела. Там, внизу, иногда видно то, чего не видно отсюда.

Арсенов подошёл ближе. Его лицо в свете фар было жёстким, но не злым.

— Ирина Константиновна, — сказал он. — Ваш отец знает, где вы?

Девушка усмехнулась — коротко, без веселья.

— Мой отец думает, что я в санатории. Он не знает, что я вижу. Он не знает, что я слышу. Он вообще мало что знает о том, что происходит за стенами его кабинета. — Она посмотрела на Юру. — Ты ведь тоже не знаешь, зачем тебя ищут. Не знаешь, что такое «Феникс». Не знаешь, почему твой дед всю жизнь прятал папку с тремя именами.

— Откуда вы…

— Я знаю больше, чем должна. — Ирина сделала ещё шаг, и теперь она стояла совсем близко, в двух метрах от Юры. — Я могу помочь. Я знаю, где «охотники» держат свои документы. Я знаю, кто из них на самом деле боится тебя, а кто хочет использовать. Я знаю, почему мой отец пришёл к твоему деду именно сейчас. — Она помолчала. — И я знаю, что завтра утром вас будут искать в Сочи. Не в клинике. В доме бабушки.

Каролина резко повернулась к ней.

— Откуда вы это знаете?

— Я слышу, — просто ответила Ирина. — Не так, как вы, Виктор Арсенов. Не смерть. Я слышу, как люди говорят о том, что будет. Как будто они уже это сказали. — Она посмотрела на Каролину. — Вы мне не доверяете. Это правильно. Я бы тоже не доверяла. Но я не враг. Я дочь врага. Это разные вещи.

Юра смотрел на неё и чувствовал странное, противоречивое: страх и доверие одновременно. Она была дочерью человека, который пришёл за ним. Она стояла на краю обрыва, беременная, ночью. Она знала его сон. И всё же в её глазах было что-то, чего он не видел ни у «охотников», ни у Каролины — усталая, тихая решимость человека, который уже потерял всё и поэтому не боится ничего.

— Вы можете поехать с нами, — сказал он вдруг. — До «Маяка». Там нас ждут. Там мы решим, что делать дальше.

Каролина повернулась к нему резко, и в её глазах вспыхнуло что-то, чего Юра раньше не видел. Не гнев. Ревность. Холодная, металлическая ревность.

— Юра, — сказала она. — Ты не знаешь её. Ты не знаешь, что она может сделать. Она дочь Воронцова.

— Я знаю, — ответил Юра. — Но она знает то, чего не знаем мы. И она не «охотник». Она такая же, как мы. Просто другая.

Каролина молчала. Её лицо было неподвижным, но Юра видел, как под «кожей» её рук на секунду мелькнули тонкие серебряные искры. Она сдерживалась.

— Хорошо, — сказала она наконец, и голос её был ровным, почти безжизненным. — Она поедет с нами. Но в моей машине. И ты будешь сидеть сзади. Один.

— Каролина…

— Это не обсуждается. — Она повернулась и пошла к «Волге». — Арсенов, вы едете впереди. Если что-то пойдёт не так — вы знаете, что делать.

Арсенов кивнул. Ирина, не сказав ни слова, пошла к красной «Волге» и села на заднее сиденье. Юра, помедлив, сел рядом с ней. Каролина заняла водительское место и завела мотор, не глядя на них.

Машина тронулась. В салоне было тихо. Ирина смотрела в окно, на проплывающие мимо тёмные холмы. Юра смотрел на её руки, сложенные на коленях. Она не была похожа на дочь генерала. Не было в ней ни надменности, ни холода. Только усталость и что-то ещё — тихая, глухая боль.

— Ваш отец, — тихо спросил он. — Он знает, что вы видите?

— Нет, — ответила Ирина, не поворачиваясь. — Он думает, что после того, что случилось, я «повредилась рассудком». Он отправил меня в санаторий. Там меня лечат от «нервного истощения». — Она усмехнулась. — Три месяца назад меня изнасиловали на заводе. Я пришла туда с проверкой от отца. Он об этом не знает. Он думает, что я просто устала. — Она

помолчала. — Я не хочу, чтобы он знал. Ни о том, что случилось, ни о том, что я теперь вижу. Он бы не выдержал.

Юра не знал, что сказать. Он просто сидел и смотрел на неё, и в груди у него что-то сжималось — не жалость, а что-то более глубокое. Понимание.

— Я могу помочь, — сказала Ирина, наконец повернувшись к нему. — Я знаю, где «охотники» хранят документы. Я знаю, кто из них на самом деле боится тебя, а кто хочет использовать. Я знаю, почему мой отец пришёл к твоему деду именно сейчас. — Она помолчала. — И я знаю, что завтра утром вас будут искать в Сочи. Не в клинике. В доме бабушки.

Каролина, не поворачиваясь, сказала:

— Мы это уже слышали. Вопрос в том, откуда вы это знаете.

— Я слышу, — просто ответила Ирина. — Не так, как Виктор Арсенов. Не смерть. Я слышу, как люди говорят о том, что будет. Как будто они уже это сказали.

Каролина ничего не ответила. Но её руки на руле сжались чуть сильнее, чем нужно.

Дорога шла вверх, к перевалу. Через полчаса они свернули на грунтовку, которая вилась между скалами и редкими соснами. Впереди, в свете фар, показались ворота — высокие, из тёмного металла, с едва различимой надписью на арке: «Маяк».

Арсенов остановил свою «Волгу» у ворот и вышел. За воротами, в глубине двора, горел свет в одноэтажном здании с плоской крышей. Это был не дом, а скорее барак — длинный, приземистый, сложенный из серого камня. Рядом с ним стоял грузовик с брезентовым тентом, а чуть дальше — крытый ангар, из-под дверей которого пробивалась полоска света.

— Это и есть «Маяк»? — тихо спросил Юра.

— Это и есть, — ответила Каролина. Она заглушила мотор и вышла из машины. — Здесь нас ждут.

Ворота открылись сами собой — видимо, Арсенов уже успел договориться. Красная «Волга» въехала во двор и остановилась рядом с чёрной. Юра вышел первым, помогая Ирине выбраться. Она двигалась медленно, тяжело — сказывался живот.

Из здания навстречу им вышел человек. Высокий, худой, в очках с толстыми линзами, в старом пальто не по погоде. Волосы у него были седые, всклокоченные, а руки — длинные, с узкими пальцами, которые постоянно двигались, будто он что-то перебирал в воздухе.

— Каролина Викторовна, — сказал он, и в его голосе было столько же усталости, сколько и облегчения. — Вы всё-таки приехали. Я уже начал думать, что вы не успеете.

— Линдт, — кивнула Каролина. — Мы привезли мальчика. И… ещё одного гостя.

Линдт посмотрел на Юру, потом на Ирину. Его глаза за стёклами очков расширились.

— Воронцова? — выдохнул он. — Дочь генерала? Вы с ума сошли?

— Она знает то, чего не знаем мы, — сказала Каролина, и в её голосе не было тепла. — Она под нашей защитой. Пока.

Линдт снял очки и протёр их платком. Потом снова надел и посмотрел на Юру.

— Значит, это ты. Мальчик, который видит вероятности. — Он помолчал. — Я знал Яну. Она была… особенной. И она говорила, что однажды появится кто-то ещё. Кто-то, кто сможет то, чего не смогла она. — Он повернулся и пошёл к ангару. — Идёмте. Я должен вам кое-что показать.

Ангар изнутри был больше, чем казался снаружи. Под потолком горели яркие лампы, и в их свете Юра увидел странное сооружение — не то танк, не то машину, не то что-то среднее. Оно стояло на гусеницах, низкое, приземистое, с длинным стволом, но вместо башни у него была странная конструкция из трубок, катушек и антенн, похожих на рога.

— Это «Цербер», — сказал Линдт, и в его голосе прозвучала гордость, смешанная с горечью. — Танк Т-54. Но не обычный. Мы переделали его. Это антихорорформирующее устройство. Единственное в своём роде.

Юра подошёл ближе. Он никогда не видел танка вблизи. Металл был покрыт странными символами — не русскими и не немецкими, а какими-то другими, похожими на те, что были на цилиндре профессора Киселёва.

— Антихорорформирующее? — переспросил он. — Что это значит?

Линдт посмотрел на Каролину. Она кивнула.

— «Хорорштальты», — сказал Линдт тихо. — Так мы их называем. Существа, которые приходят из-за грани. Не призраки. Не демоны. Нечто иное. Они не имеют формы. Они не имеют имени. Они просто есть. И они боятся «Феникса». Потому что «Феникс» видит их. А то, что видишь, можно остановить. — Он похлопал ладонью по броне танка. — «Цербер» создан для этого. Его орудие стреляет не снарядами. Оно стреляет вероятностями. Он может остановить «Хорорштальта» прежде, чем тот успеет проникнуть в наш мир. — Он помолчал. — Но для этого нужен тот, кто умеет видеть. Тот, кто может направить его. Тот, кто знает, где именно грань станет тонкой.

Юра смотрел на танк, и в его голове всё смешивалось: «Феникс», «охотники», «перешедшие», «Хорорштальты». Слишком много слов. Слишком много тайн. И всё же где-то в глубине, там, где раньше жил только страх, начинало расти что-то другое. Понимание. Он не просто мальчик, который видит сны. Он — тот, кто может остановить то, что надвигается.

— Значит, я нужен вам, — сказал он тихо. — Не для того, чтобы изучать. А для того, чтобы… сражаться.

— Не сражаться, — поправила Каролина, и в её голосе снова прозвучала та сталь, что была во время погони. — Направлять. «Цербер» — это оружие. Ты — тот, кто даёт ему цель. Без тебя он просто танк. С тобой — он может изменить всё.

Ирина, стоявшая чуть позади, тихо сказала:

— Мой отец знает о «Цербере». Он ищет его. Он думает, что это оружие против «Феникса». — Она помолчала. — Он не знает, что это оружие против того, что страшнее «Феникса». Он вообще мало что знает.

Каролина резко повернулась к ней.

— Вы хотите сказать, что ваш отец может привести «охотников» сюда?

— Он не знает, где «Маяк», — ответила Ирина. — Но он знает, что я вижу. И он знает, что я могу привести его к тому, что он ищет. — Она посмотрела на Юру. — Я не приведу. Я не на его стороне. Но он будет искать. И он найдёт. Рано или поздно.

Линдт снял очки и снова протёр их. Его руки дрожали.

— Тогда у нас мало времени, — сказал он. — Если Воронцов найдёт «Маяк», он найдёт «Цербера». А если он найдёт «Цербера» раньше, чем мы научим мальчика им управлять… — Он не договорил. И так было понятно.

Каролина посмотрела на Юру. В её глазах была не ревность, не холод, а что-то другое — страх. Не за себя. За него.

— Юра, — сказала она тихо. — Ты должен понять. «Цербер» — это не игрушка. Это не просто танк. Это… живое оружие. Оно чувствует. Оно выбирает. И если ты не сможешь его направить, оно выберет само. А выберет оно — смерть. Для всех.

Юра посмотрел на танк. На его броне играли блики ламп. Металл был холодным, но где-то в глубине, под слоем краски и стали, он чувствовал что-то. Не жизнь. Не разум. Что-то древнее. Что-то, что ждало.

— Я смогу, — сказал он. И сам удивился, как твёрдо это прозвучало. — Я не знаю как. Но я смогу.

Каролина молчала. Потом медленно, очень медленно кивнула.

— Тогда начнём утром, — сказала она. — А сейчас — спать. Всем. Даже «Церберу».

Линдт проводил их в барак. Внутри было просто: длинный коридор, несколько комнат с железными койками, столовая с большим самоваром. Юре отвели маленькую комнату в конце

коридора — с окном, выходящим на ангар. Он лёг на койку, не раздеваясь, и долго смотрел в потолок.

За стеной, в соседней комнате, тихо говорили Каролина и Ирина. Слов было не разобрать, но тон был напряжённым. Юра не прислушивался. Он думал о танке. О «Цербере». О том, что завтра ему придётся сделать то, чего он никогда не делал — не просто видеть, а действовать.

И где-то в глубине, там, где время текло чуть иначе, он уже знал, что это только начало.

Утром его разбудил запах кофе — настоящего, не растворимого, — и голос Линдта, который что-то быстро говорил в коридоре. Юра оделся и вышел. В столовой уже сидели Каролина, Арсенов и Ирина. Линдт стоял у самовара и разливал кофе в жестяные кружки.

— Садись, — сказал он, увидев Юру. — Сегодня у нас длинный день. И, боюсь, не только сегодня.

Юра сел. Ирина сидела напротив, бледная, но спокойная. Каролина — рядом с ней, и Юра заметил, что она села так, чтобы между ним и Ириной было расстояние. Ревность. Она всё ещё ревновала. Но сейчас это было неважно.

— Итак, — сказал Линдт, ставя перед Юрой кружку. — «Цербер». Ты должен понять, что это не просто машина. Это оружие, созданное для борьбы с тем, что приходит из-за грани. «Хорорштальты» — не люди. Они не мыслят, как мы. Они не чувствуют, как мы. Они просто хотят проникнуть в наш мир и разрушить его. «Цербер» может их остановить. Но только если ты сможешь его направить. — Он помолчал. — Яна пыталась. Она была первой. Она погибла, потому что «Цербер» выбрал сам. Она не смогла его удержать. Ты должен быть сильнее.

Юра посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Впервые за долгое время — не дрожали.

— Я смогу, — сказал он снова. — Я не знаю как. Но я смогу.

Каролина посмотрела на него. В её глазах больше не было ревности. Только страх. И надежда. И что-то ещё — то, что Юра не мог назвать. Может быть, гордость.

— Тогда идём, — сказала она. — «Цербер» ждёт.

Они вышли во двор. Солнце только поднималось над скалами, и ангар казался чёрным силуэтом на фоне бледного неба. Линдт открыл двери, и внутри, в свете ламп, «Цербер» стоял неподвижно, будто спал. Но Юра чувствовал, что он не спит. Он ждёт.

— Подойди, — сказал Линдт. — Положи руку на броню. И слушай.

Юра подошёл. Металл был холодным. Но под ладонью, где-то в глубине, он чувствовал что-то — медленное, тяжёлое биение. Как пульс. Как дыхание. Как жизнь.

— Он живой, — прошептал Юра.

— Он — «Цербер», — ответил Линдт. — И теперь он твой.

Юра закрыл глаза. И в темноте, за веками, он увидел: границу. Тонкую, как паутина. И за ней — что-то. Тёмное. Голодное. Оно ждало. Оно смотрело на него. И оно боялось.

Он открыл глаза.

— Я вижу, — сказал он. — Я вижу, где они.

Каролина и Линдт переглянулись. Арсенов, стоявший у дверей, молча кивнул.

— Тогда начнём, — сказала Каролина. — У нас мало времени. И много врагов. Но теперь у нас есть «Цербер». И есть ты.

Юра снова посмотрел на танк. На его броне играли блики. Где-то в глубине, под слоем стали, что-то шевельнулось. И Юра понял: это не просто оружие. Это союзник. И, может быть, друг.

— Я готов, — сказал он.

И в этот момент где-то далеко, в Москве, генерал Воронцов поднял трубку и набрал номер, который знали только он и ещё трое человек в стране. Он не знал, где его дочь. Он не знал, где мальчик. Но он знал, что «Цербер» существует. И он знал, что должен его найти.

— Начинайте, — сказал он в трубку. — Ищите в Сочи. Ищите везде. Мальчик не мог исчезнуть.

Он положил трубку и посмотрел в окно. За окном был серый московский рассвет. И где-то там, на юге, его дочь стояла рядом с мальчиком, которого он искал. И у неё в глазах было то, чего он никогда не видел — решимость.

Война начиналась. И никто из них ещё не знал, чем она закончится.

Глава 6. Точка сборки

Утро на «Маяке» началось не с кофе и не с сирены. Оно началось с тишины — той плотной, звенящей тишины, что бывает перед грозой или перед очень важным разговором. Юра проснулся от неё, а не от звука. Лежал на железной койке, не раздеваясь, смотрел в потолок, где под лампой дрожала тень от абажура, и чувствовал, как в висках медленно, тягуче пульсирует чужое время.

Он уже знал, что сегодня придётся войти в «Цербера». Не потому, что ему сказали. Потому что чувствовал: граница, которую он видел за закрытыми глазами, истончается. Медленно, но верно. И если он не научится её удерживать, она прорвётся сама.

В столовой Линдт разливал кофе. Каролина сидела у окна, прямая, неподвижная, с чашкой в руках, к которой не притрагивалась. Арсенов стоял у двери, в пальто, хотя в помещении было душно, и смотрел на Юру так, будто уже знал всё, что должно случиться. Ирина сидела напротив Каролины, бледная, с тёмными кругами под глазами, и её рука лежала на животе — привычным, охраняющим жестом.

— Садись, — сказал Линдт. — Сегодня у нас длинный день. И, боюсь, не только сегодня.

Юра сел. Кофе был горьким и горячим, и от него немного отпускало.

— «Цербер» готов, — сказал Линдт, ставя кружку на стол. — Мы проверили все системы ночью. Реактор стабилен, контур наведения настроен. Не хватает одного — того, кто сможет задать цель. — Он посмотрел на Юру. — Яны больше нет. Ты — следующий.

— Я не знаю, как это делается, — честно сказал Юра.

— Никто не знает, — ответил Линдт. — Яна тоже не знала. Она просто вошла. И не вернулась. — Он помолчал. — Я не хочу, чтобы ты повторил её путь. Поэтому мы начнём с малого. Сначала — контакт. Потом — интеграция. Потом — управление. И на каждом шаге ты будешь не один.

Каролина наконец подняла голову. В её глазах было что-то, чего Юра раньше не видел — не страх, не сталь, а тихая, глухая боль.

— Я буду рядом, — сказала она. — Всё время. Что бы ни случилось.

Арсенов у двери чуть шевельнулся.

— Я тоже, — сказал он. — Не потому, что я добрый. Потому что если «Цербер» выйдет из-под контроля, кто-то должен будет успеть его остановить. — Он посмотрел на Юру. — Надеюсь, это будешь ты, а не я.

Ирина ничего не сказала. Только посмотрела на Юру, и в её взгляде было то же, что и в его собственном, — знание, что этот день изменит всё.

В ангаре было холодно. Лампы под потолком горели ярко, но их свет не согревал — он ложился на металл «Цербера» и отражался от него, как от воды. Танк стоял неподвижно, низкий, приземистый, с длинным стволом и странной конструкцией вместо башни — трубки, катушки, антенны, похожие на рога. На броне играли блики, и в этих бликах Юре снова почудилось что-то живое. Медленное. Тяжёлое. Ждущее.

— Подойди, — сказал Линдт. — Положи руку на броню. И слушай.

Юра подошёл. Металл был холодным. Но под ладонью, где-то в глубине, он чувствовал что-то — медленное, тяжёлое биение. Как пульс. Как дыхание. Как жизнь.

— Он живой, — прошептал Юра.

— Он — «Цербер», — ответил Линдт. — И теперь он твой.

Юра закрыл глаза. И в темноте, за веками, он увидел: границу. Тонкую, как паутина. И за ней — что-то. Тёмное. Голодное. Оно ждало. Оно смотрело на него. И оно боялось.

Он открыл глаза.

— Я вижу, — сказал он. — Я вижу, где они.

Каролина и Линдт переглянулись. Арсенов, стоявший у дверей, молча кивнул.

— Тогда начнём, — сказала Каролина. — У нас мало времени. И много врагов. Но теперь у нас есть «Цербер». И есть ты.

Линдт подвёл его к боковому люку. Внутри «Цербера» было тесно, пахло горячим металлом и чем-то ещё — сухим, как пыль на старых страницах. Место наводчика оказалось не креслом, а странным ложем, похожим на анатомический стол, с ремнями и множеством проводов, уходящих вглубь корпуса. Юра лёг. Линдт закрепил ремни, проверил контакты.

— Сейчас ты почувствуешь, как «Цербер» входит в тебя, — сказал он тихо. — Не бойся. Это не боль. Это… знакомство. Он будет искать то, за что можно зацепиться. Покажи ему, кто ты.

Линдт отошёл. Загудели реле. Свет в люке мигнул и погас, и Юра остался в темноте — один, с медленным биением металла под ладонями.

А потом мир вокруг него рассыпался.

Он не потерял сознание. Он просто перестал быть только собой. Сначала пришло ощущение, будто он стоит в огромном зале, где стены — из стали, а пол — из натянутых струн. Каждая струна дрожала, и каждая дрожь была вероятностью. Он видел их все сразу: дороги, что вели к гибели, дороги, что вели к спасению, дороги, что вели в никуда. И в центре этого зала, в самом сердце «Цербера», он увидел точку. Маленькую, яркую, как уголёк. Точку сборки.

— Ты слышишь меня? — раздался голос. Не Линдта. Не Каролины. Женский, ровный, чуть металлический, но живой. — Юра, ты слышишь меня?

— Слышу, — сказал он. И удивился, что голос его звучит не снаружи, а внутри — как будто он сам с собой говорит.

— Меня зовут ИРИСКА, — сказала она. — Интегральный Регулятор и Интерфейс Системы Калибровки и Анализа. Но ты можешь звать меня Ириска. Так короче. И, честно говоря, мне так больше нравится.

Юра хотел улыбнуться, но не смог — слишком странно было это слышать.

— Ты… ты кто?

— Я — то, что связывает тебя и «Цербера», — ответила ИРИСКА. — Я — его голос. Его память. Его совесть, если хочешь. Яны больше нет, но она оставила в нём часть себя. И я — эта часть. Только я не Яна. Я — то, что осталось, когда её не стало.

Юра помолчал. Струны вокруг него дрожали, и он чувствовал, как каждая из них тянется к нему, как будто ждёт прикосновения.

— Линдт сказал, что «Цербер» — антихорорформирующее устройство, — сказал он. — Что он останавливает то, что приходит из-за грани.

ИРИСКА тихо, очень по-человечески вздохнула.

— Линдт многого не знает, — сказала она. — Или знает, но боится сказать. «Цербер» — не антихорорформирующее. Это неправда. Точнее, не вся правда. «Цербер» — это освободитель. Его задача — не уничтожать Хорорформиров. Его задача — освобождать их.

Юра замер.

— Освобождать?

— Да. — Голос ИРИСКИ стал тише, серьёзнее. — «Хорорштальты» — не чудовища, Юра. Это те, кто застрял на грани. Те, кто не смог перейти. Они не злые. Они голодные. Они ищут выход, а мы, люди, привыкли называть то, чего не понимаем, злом. «Цербер» не убивает их. Он открывает им дверь. Он освобождает их от боли, от голода, от вечного ожидания. Это не оружие. Это мост. И ты — тот, кто должен его построить.

Юра почувствовал, как внутри всё сжимается. Вот что скрывал Линдт. Вот чего боялся Вороненко. Не уничтожения — освобождения. Потому что освобождённый «Хорорштальт» — это не победа. Это то, что нельзя контролировать.

— А Вороненко? — спросил он. — Он знает?

— Он знает, — ответила ИРИСКА. — И поэтому он боится. Он всю жизнь строил клетки. А ты — тот, кто открывает двери. Он не может тебе позволить сделать это. Потому что тогда рухнет всё, что он создал.

Юра закрыл глаза. В темноте под веками струны дрожали, и точка сборки горела ровным, тёплым светом.

— Что мне делать? — спросил он.

— Сначала — выйди из интеграции, — сказала ИРИСКА. — Ты ещё не готов. Твоё тело не выдержит больше нескольких минут. А потом — поговори с той, что сидит рядом. С Ириной. Она знает то, чего не знаю я. И, возможно, она — часть ответа.

— Ирина?

— Да. — ИРИСКА помолчала. — Она видит то, что было. И то, что будет. Как ты. Но по-другому. Она — эхо. Ты — голос. Вместе вы сможете то, чего не сможет никто из вас по отдельности.

Свет в люке вспыхнул. Юра открыл глаза — уже не в темноте за веками, а в тесном металлическом нутре «Цербера». Ремни ослабли. Люк открылся, и в него заглянул Линдт — бледный, с дрожащими руками.

— Ты как? — спросил он.

— Живой, — ответил Юра. И, помолчав, добавил: — И я знаю, что делать.

Он выбрался наружу. Каролина стояла рядом, и в её глазах было столько всего — страх, надежда, ревность, гордость, — что Юра не выдержал и отвёл взгляд. Арсенов стоял у дверей, неподвижный, как тень.

А Ирина сидела на ящике у стены, и её рука лежала на животе. Она смотрела на Юру, и в её глазах было то же, что и в его собственных, — знание.

— Ты слышал её, — сказала Ирина. Не спросила. Утвердила.

— Слышал, — кивнул Юра. — ИРИСКА. Она сказала, что «Цербер» — не оружие. Что он освобождает тех, кто застрял на грани. И что ты — часть ответа.

Ирина медленно, очень медленно кивнула.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я видела это. Во сне. И наяву. Там, за гранью, есть те, кто ждёт. Не чудовища. Просто те, кто не смог перейти. И Вороненко знает о них. Он боится их. Потому что они — доказательство того, что его мир не единственный. Что есть другой. И что он не может его контролировать.

— А ребёнок? — спросил Юра. — Твой ребёнок. Он тоже там?

Ирина опустила глаза. Её рука на животе чуть дрогнула.

— Он нигде, — сказала она. — Он ни здесь, ни там. Он — как дверь, которую никто не открыл. И пока я жива, он будет ждать. А когда я умру — он либо перейдёт, либо исчезнет. — Она подняла глаза. — Ты можешь открыть эту дверь, Юра. Не для меня. Для него. И для всех, кто ждёт.

Юра стоял и смотрел на неё. И в этот момент он понял: вот почему Вороненко боялся его больше всего. Не потому, что он видел вероятности. А потому, что он мог открывать двери. И никакая клетка не могла этого остановить.

— Я попробую, — сказал он.

За его спиной раздался тихий, металлический звук. Юра обернулся.

Каролина стояла в дверях ангара, и её фигура начала меняться. Сначала — едва заметно: контуры стали жёстче, резче, будто кто-то обвёл её углём. Потом — сильнее. Металл под её «кожей» вспыхнул серебром, и по всему телу побежали тонкие, светящиеся линии — как

схемы на чертеже. Её глаза загорелись холодным, ровным светом. А потом она начала исчезать. Не растворяться в воздухе — переходить. Её тело становилось прозрачным, и сквозь него проступало что-то другое: огромное, сложное, состоящее из шестерёнок, рычагов, спиралей и символов, которые Юра уже видел — на цилиндре Киселёва, на броне «Цербера», на чёрной «Волге».

— Каролина! — крикнул он.

Она обернулась. Её лицо ещё было человеческим, но уже не совсем. Глаза светились. Губы двигались, но голос шёл откуда-то из глубины — не из горла, а из всего её существа.

— Я должна, — сказала она. И голос её был ровным, как у ИРИСКИ. — «Цербер» не может работать без второго якоря. Яна была первым. Я — второй. Это называется Гоэтикон. Переход в чистую форму. Я не умру, Юра. Я стану тем, чем была всегда. Мостом.

— Нет! — Юра шагнул к ней. — Ты не должна! Мы найдём другой способ!

— Другого способа нет, — сказала Каролина. И в её голосе впервые за всё время прозвучала та самая теплота, которую он слышал в машине, когда она говорила о Дрездене, о Хансе, о мостах. — Я всю жизнь строила мосты, Юра. Не те, о которых мечтала. Но всё-таки мосты. Позволь мне построить последний.

Она подняла руку — и металл вспыхнул ослепительным серебром. Юра зажмурился. Когда он открыл глаза, Каролины не было. Вместо неё в воздухе висел Гоэтикон — огромная, сложная фигура из света и металла, похожая на чертёж, оживший в трёх измерениях. Шестерёнки вращались, спирали пульсировали, символы горели ровным, холодным огнём. И в центре этого сияния было лицо. Не Каролины. Другое. Спокойное. Мудрое. То, которое она, наверное, видела в зеркале до войны.

— Теперь я — часть «Цербера», — сказал Гоэтикон её голосом. — И часть тебя, Юра. Иди. У нас мало времени. Вороненко уже близко.

Свет померк. Гоэтикон медленно, плавно втянулся в корпус «Цербера», и броня танка вспыхнула на секунду серебром — а потом погасла, и всё стало как прежде. Только теперь Юра чувствовал: «Цербер» стал другим. Живее. Теплее. И в его глубине билось два пульса — медленный, тяжёлый пульс танка и лёгкий, быстрый пульс Каролины.

Линдт стоял, прижав руку ко рту. Арсенов опустил голову. Ирина смотрела на «Цербера» широко раскрытыми глазами.

А Юра стоял и чувствовал, как в груди разрастается что-то новое — не страх, не горе, а тихая, упрямая решимость. Каролина ушла. Но она не исчезла. Она стала частью того, что он должен был сделать.

— ИРИСКА, — сказал он тихо. — Ты здесь?

— Здесь, — отозвался голос из глубины «Цербера». — И Каролина тоже. Она теперь часть меня. И часть тебя. Не бойся, Юра. Мы справимся.

Юра поднял голову. За дверями ангара, где-то далеко, начинался рассвет. И где-то там, в этом рассвете, Вороненко уже вёл своих людей к «Маяку».

— Тогда начнём, — сказал Юра. — У нас есть «Цербер». И есть мы. Этого достаточно.

Он повернулся и пошёл к выходу из ангара. За его спиной «Цербер» тихо, почти ласково загудел — и в этом гуле было что-то, чего не было раньше. Голос Каролины. Голос ИРИСКИ. Голос самой грани, которая ждала, когда её откроют.

Точка сборки была найдена.

Глава 7. Архивариус

Утро на «Маяке» началось с дождя. Мелкого, южного, похожего не на дождь, а на медленно оседающую водяную пыль. Она ложилась на стекло, на броню «Цербера», на сухую траву за воротами — и мир вокруг становился серым, размытым, будто кто-то провёл мокрой тряпкой по акварели.

Юра не спал. Он лежал на железной койке, глядя в потолок, и слушал. Не дождь. Не ветер. Себя. Тот второй пульс, что поселился в нём после Гоэтикона, — лёгкий, быстрый, нечеловеческий. Пульс Каролины. Она была рядом, но не снаружи. Внутри «Цербера», внутри ИРИСКИ, внутри той тонкой паутины вероятностей, которую он теперь чувствовал кожей.

В дверь тихо постучали. Не металлом — костяшками. Юра сел.

— Войдите.

На пороге стоял Арсенов. В пальто, как всегда, будто не замечая духоты. В руке — свёрнутая карта, пожелтевшая по сгибам.

— Вставай, — сказал он без предисловий. — У нас мало времени. И пока «охотники» прочёсывают Сочи, мы должны сделать то, зачем сюда ехали.

— Клиника, — понял Юра. — Список Яны.

— Не только. — Арсенов прошёл в комнату и развернул карту на столе. — Список — это бумага. Бумага важна, но бумага — следствие. Мне нужно, чтобы ты увидел причину.

Он ткнул пальцем в точку на карте. Заброшенный квадрат на северной окраине Сочи, у старой дороги на Красную Поляну. Рядом — тонкая линия, обозначавшая реку, и прямоугольник с крестом.

— «Спецхран», — сказал Арсенов. — Архив закрытого института. До войны здесь был филиал той самой лаборатории, где работала Яна. После войны — архив. С пятидесятого года — никого. Охрана снята, документы не вывезены. Всё осталось как было.

— Почему не вывезли?

— Потому что те, кто должен был вывезти, — Арсенов помолчал, — предпочли забыть. А те, кто помнил, — не хотели вспоминать.

Юра посмотрел на карту. Квадрат был маленьким, незначительным, будто случайное пятно на теле города. Но под пальцем Арсенова он казался тяжёлым, как нарыв.

— Каролина знает? — спросил Юра.

— Каролина теперь часть «Цербера», — ответил Арсенов. — Она видит вероятности, но не видит прошлого. А прошлое — это то, что нам сейчас нужно. — Он свернул карту. — Ирина едет с нами. Она видит то, что было. Это может пригодиться.

— А Линдт?

— Линдт останется. Кто-то должен охранять «Цербера». И потом, — Арсенов чуть скривил губы, — Линдт слишком долго жил в клетке. Ему нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что дверь открыта.

В столовой их ждала Ирина. Она сидела у окна, закутавшись в старый клетчатый плед, и смотрела на дождь. Живот её был уже заметен, и Юра поймал себя на мысли, что не может смотреть на него без странного, щемящего чувства. Будто там, внутри, спало что-то, что ждало своей очереди.

— Вы готовы? — спросила Ирина, не оборачиваясь.

— Готовы, — ответил Арсенов. — Едем на одной машине. Чёрная «Волга» останется здесь — она слишком заметна. Возьмём грузовик Линдта.

Дорога шла вверх, в горы, и дождь постепенно превратился в туман. Он висел между деревьями, цеплялся за ветки, скрывал повороты. Грузовик трясло на выбоинах, и Юра держался за металлический поручень у двери, чувствуя, как в висках отдаётся каждый удар.

Арсенов вёл молча. Ирина сидела между ними, глядя вперёд, и её лицо было спокойным — слишком спокойным для человека, который едет в заброшенный архив, где, возможно, лежат документы о том, как убивали таких, как она.

Через час они свернули с асфальта на грунтовку. Дорога сузилась, пошла между скалами, и туман стал гуще. Впереди, в его молочной пелене, проступили очертания ворот — ржавых, покосившихся, с остатками колючей проволоки.

— Приехали, — сказал Арсенов и заглушил мотор.

Ворота были заперты. Замок — старый, амбарный, покрытый ржавчиной — висел на цепи, но цепь была перерезана. Кем-то давно. Может быть, мародёрами. Может быть, теми, кто не хотел, чтобы архив оставался закрытым.

Арсенов толкнул створку. Она поддалась с тяжёлым скрипом, и за ней открылся двор — заросший лебедой, с провалившейся крышей сторожки и длинным одноэтажным зданием в глубине. Окна здания были заколочены досками, но одна доска оторвалась, и в чёрном проёме виднелась пустота.

— Здесь, — сказал Арсенов. — Вход с торца. Там был главный читальный зал. А за ним — хранилище.

Они вошли. Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — бумажной пылью, старой, слежавшейся, которая, кажется, пропитала стены насквозь. Под ногами хрустело битое стекло. Коридор уходил в темноту, и Арсенов зажёг фонарь. Луч выхватил из мрака облупившиеся стены, остатки мебели, перевёрнутые стеллажи.

— Хранилище дальше, — сказал он. — Идите за мной. И не отходите.

Юра шёл следом, чувствуя, как в груди нарастает странное, тянущее ощущение. Будто он уже был здесь. Будто стены помнят его. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, но ощущение не проходило.

Хранилище оказалось большой комнатой с высоким потолком и стеллажами, уходящими под самый потолок. Здесь было темно и сухо, и бумага не сгнила, а только пожелтела, покрылась тонким слоем пыли. Арсенов подошёл к одному из стеллажей, провёл пальцем по корешкам папок.

— Здесь, — сказал он. — «Проект „Феникс"». Я знал, что они оставили копии.

Он вытащил папку. Толстую, обтянутую выцветшим дерматином, с теснённой надписью на обложке. Юра шагнул ближе. И в этот момент почувствовал, как что-то острое, холодное, резануло по вискам. Он пошатнулся и схватился за стеллаж.

— Юра? — Ирина обернулась. — Что с тобой?

— Здесь что-то есть, — прошептал он. — Что-то… оно смотрит.

Арсенов замер. Потом медленно, очень медленно опустил папку на стол и обернулся.

— Ты чувствуешь? — спросил он тихо.

— Да. Будто кто-то стоит за спиной. Но никого нет.

— Это место, — сказал Арсенов. — Оно помнит. Здесь не просто хранили документы. Здесь их читали. И те, кто читал, оставили часть себя.

Он открыл папку. Внутри были листы — пожелтевшие, исписанные мелким убористым почерком. Фотографии. Схемы. И на самом верху — тонкая папка поменьше, с надписью от руки: «Штайн К. В. Личное дело».

Юра взял её. Руки дрожали. Он открыл.

Первое, что он увидел, — фотографию. Молодая женщина с короткой стрижкой, в светлом плаще, стоит у чёрной «Волги». Улыбается. Живая. Настоящая. Каролина. Ещё человек.

А внизу, поперёк фотографии, наискось, красными чернилами, было написано одно слово:

«ЛИКВИДИРОВАНА».

Юра почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он опустился на стул, не отрывая глаз от фотографии. «Ликвидирована». Не «погибла». Не «умерла». Ликвидирована. Как ошибка. Как вирус. Как то, что не должно существовать.

— Они убили её, — сказал он. — Они просто… убили её. И записали это как строчку в деле.

— Да, — сказал Арсенов. — И это не единственная строчка.

Он достал из папки ещё несколько листов. На них были имена. Фамилии. Даты. И напротив каждого имени — короткая пометка. «Изъят». «Переведён». «Ликвидирован». «Пропал без вести».

— Здесь все, — сказал Арсенов. — Все, кто был в проекте. Яна. Математик. Я. И Каролина. — Он помолчал. — И ещё десятки тех, о ком никто не помнит. Они не были «Фениксами». Они были просто людьми, которые случайно оказались рядом.

Юра листал страницы. Пальцы его дрожали. Он видел схемы — странные, похожие на чертежи машин, но с символами, которых не понимал. Видел фотографии — групповые, довоенные, где люди в белых халатах стояли у стендов с надписями. Видел отчёты — сухие, казённые, где смерть называлась «отрицательной динамикой», а страх — «нестабильностью психики».

И вдруг наткнулся на страницу, от которой повеяло холодом.

Заголовок: «Эриний-2. Отчёт о ликвидации последствий».

Арсенов, стоявший рядом, чуть побледнел. Он протянул руку, но Юра уже читал.

«В результате пожара в корпусе № 4 лаборатория „Эриний-2" уничтожена полностью. Объект 17 (Штайн К. В.) считается погибшим. Останки не обнаружены. Причина пожара — не установлена. Причастные к инциденту: Арсенов В. Н. — исчез. Киселёв С. В. — переведён в другую группу. Яна С. — переведена в группу „Эриний-3"».

Юра поднял глаза.

— Это вы, — сказал он. — Вы были там. В том пожаре.

Арсенов молчал. Долго. Потом взял стул, сел напротив, и его лицо — сухое, жёсткое, всегда неподвижное — вдруг стало старым. Очень старым.

— Я был там, — сказал он. — И это я поджёг корпус.

Юра замер.

— Я не хотел, чтобы они её получили, — продолжил Арсенов. — Каролину. Она была уже не человеком. Она была… тем, что они называли «перешедшей». Они хотели её разобрать. По частям. Изучить. Понять, как она работает. Я не мог этого допустить. — Он помолчал. — Я поджёг лабораторию ночью. Думал, что она погибнет. Что это будет милосердием. Но она выжила. Выбралась. Исчезла. А я… я бежал. Меня искали. Я скрывался. Двадцать лет.

— А Яна? — тихо спросила Ирина.

— Яна была в третьей группе, — сказал Арсенов. — «Эриний-3». Это был проект по созданию… оружия. Не танков. Людей. Тех, кто мог видеть смерть и направлять её. Яна была одной из первых. Она прошла через «Катюшу» — так они называли установку для… активации. Она выжила. Но то, что из неё вышло, — он покачал головой, — это была уже не Яна. Это было что-то другое. Что-то, что видело смерть постоянно. И не могло перестать.

— Она погибла на войне, — сказал Юра. — Бабушка говорила.

— Она погибла, потому что не могла больше видеть, — ответил Арсенов. — Она закрыла собой командира, но не для того, чтобы спасти его. А для того, чтобы наконец увидеть что-то, кроме смерти. Что-то, что стоило умереть.

В хранилище стало тихо. Только дождь стучал по крыше, да где-то в углу капала вода.

— А что такое «Феникс»? — спросил Юра. — Настоящий «Феникс». Не тот, о котором говорил Киселёв.

Арсенов открыл папку на первой странице. Там была схема — сложная, похожая на спираль, с двумя точками в центре.

— «Феникс» — это не препарат, — сказал он. — Это состояние. Точка, в которой человек перестаёт быть только человеком. Он начинает видеть вероятности. Все сразу. Прошлое, будущее, возможное, невозможное. Это не дар. Это проклятие. Потому что тот, кто видит всё, не может выбрать ничего. Он застревает. Как Яна. Как математик. Как я.

— А Каролина?

— Каролина — другое. Она — Гоэтикон. — Арсенов произнёс это слово медленно, будто пробуя на вкус. — Переход в чистую форму. Она не видит вероятности. Она становится ими. Она — мост. И теперь она часть «Цербера». И часть тебя.

Юра посмотрел на фотографию Каролины. «Ликвидирована». Красным. Наискось. И вдруг понял, что это слово — не приговор. Это приглашение. Она была ликвидирована как человек. Но она выжила как нечто большее. И теперь она ждала, когда он, Юра, сделает то же самое. Не умрёт. Перейдёт.

— А Хорорформиры? — спросил он. — Кто они?

Арсенов закрыл папку.

— Это те, кто не смог перейти, — сказал он. — Те, кто застрял на грани. Их много. Больше, чем ты думаешь. И они не злые. Они просто голодные. Они ищут выход. А «Цербер» — дверь. И ты — тот, кто может её открыть.

Он поднялся.

— Нам пора. Здесь есть ещё документы, но главное мы уже нашли. Список. И правду о том, что случилось с Каролиной. И со мной. И с Яной.

Юра взял папку. Она была тяжёлой — тяжелее, чем должна быть. Будто в ней лежало не только прошлое, но и будущее. Он посмотрел на Ирину. Она стояла у стеллажа, и её рука лежала на животе. Глаза её были закрыты.

— Ты что-то видишь? — спросил он.

— Да, — тихо ответила она. — Я вижу его. Мальчика. Он стоит у двери. И ждёт. Он ждёт, когда ты откроешь.

— Кто он?

Ирина открыла глаза. В них было что-то, чего Юра раньше не видел. Не страх. Не надежда. Что-то среднее. Что-то, что бывает только у людей, которые уже видели слишком много.

— Он — точка сборки, — сказала она. — Как и ты. Только он ещё не знает об этом. И когда узнает, — она помолчала, — всё изменится.

Они вышли из архива в дождь. Туман начал рассеиваться, и за деревьями угадывались горы — серые, тяжёлые, будто нарисованные углём на мокрой бумаге. Юра нёс папку под мышкой, прижимая её к груди, как когда-то прижимал книгу прапрабабки Яны.

— Что теперь? — спросил он, когда они сели в грузовик.

Арсенов повернул ключ. Мотор заурчал.

— Теперь мы возвращаемся на «Маяк», — сказал он. — И начинаем готовиться.

— К чему?

— К тому, что будет дальше. — Арсенов посмотрел на него. — Ты видел, что они сделали с Каролиной. Что они сделали с Яной. Что они сделали со мной. Они не остановятся. Они будут искать «Цербера». И тебя. И её. — Он кивнул в сторону Ирины. — И когда найдут, — он нажал на газ, — мы должны быть готовы.

Грузовик тронулся. За окном проплывали мокрые деревья, серые скалы, туман. Юра смотрел на папку у себя на коленях и думал о фотографии. «Ликвидирована». Красным. Наискось. Но под этим словом, в самой глубине бумаги, он чувствовал что-то ещё. Не смерть. Жизнь. Ту самую, что не заканчивается. Ту самую, что переходит.

Он открыл папку на последней странице. Там, внизу, рукой Арсенова, было написано:

«Гоэтикон — не конец. Гоэтикон — начало. Тот, кто пройдёт через дверь, станет мостом. И мост выдержит».

Юра закрыл папку. И впервые за долгое время почувствовал, что знает, куда идёт.

Глава 8. Красный vs Чёрный

Утро разгоралось медленно, будто нехотя. Солнце, ещё скрытое за холмами, окрасило небо в цвет разбавленного кровью молока — бледно-розовый, с прожилками серых облаков.

Дорога, пустая и бесконечная, стелилась под колёса «Волги» серой лентой, и каждый километр, оставшийся позади, казался маленькой победой над тьмой, что гналась за ними.

Юра молчал. После долгого разговора с Каролиной, после её исповеди он чувствовал себя опустошённым — и странным образом наполненным одновременно. Словно он наконец перестал быть пассажиром в собственной жизни и взялся за руль не только метафорически, но и буквально. Его пальцы сжимали обод с уверенностью, которой он не чувствовал прежде. Раньше он просто держался за руль, позволяя машине вести себя. Теперь он вёл её сам. И это ощущение — ощущение контроля, пусть даже иллюзорного, — придавало ему сил.

— Ты изменился, — заметила Каролина, и голос её, всё ещё слабый после ночного нападения, звучал в динамиках почти нежно. — Я чувствую это. Твоё сердцебиение стало ровнее. Дыхание глубже. Ты больше не дрожишь.

— Я устал бояться, — просто ответил Юра, не отрывая взгляда от дороги. — Это выматывает. Страх — он как ржавчина. Разъедает изнутри. Я понял это, когда ты рассказала мне о себе. О твоём отце. О матери. О том, что они сделали с тобой. Я подумал: если ты, потеряв всё, что любила, смогла найти в себе силы жить дальше, то я-то чего боюсь? Я жив. У меня есть руки, ноги, голова на плечах. И у меня есть ты.

Каролина промолчала, но плафон в салоне мигнул теплее, и Юра мог поклясться, что машина чуть заметно ускорилась, словно подбадривая его.

Они миновали несколько деревушек — сонных, затерянных среди холмов, где время, казалось, остановилось ещё в прошлом веке. Покосившиеся заборы, серые избы с резными наличниками, колодцы с деревянными воротами, старухи в платках, провожающие машину долгими, ничего не выражающими взглядами. Юра чувствовал эти взгляды кожей — тяжёлые, липкие, как патока. В них не было враждебности, но не было и приветливости. Просто наблюдение. Просто ожидание. Чего? Ответа на этот вопрос он не знал, но чувствовал, что ответ где-то рядом, за поворотом, за следующим холмом, за полосой тумана, который начинал сгущаться у обочин.

— Туман, — сказал он, скорее для себя, чем для Каролины. — Опять туман.

— Да, — отозвалась она, и голос её напрягся. — Я чувствую его. Он не обычный. В нём есть что-то… чужое. Что-то, что не принадлежит этому миру.

— Как тогда, в первую ночь? Когда ты впервые заговорила со мной?

— Да. Тогда туман тоже был её оружием. Она использует его, чтобы скрыть своё приближение. Чтобы дезориентировать. Чтобы питаться нашим страхом до того, как нанесёт удар.

Юра сбавил скорость. Дорога шла под уклон, ныряя в долину, где туман лежал плотным, почти осязаемым одеялом. Он колыхался, переливался в утреннем свете, и в этом движении чудилось что-то живое, что-то дышащее. Ветви придорожных кустов, торчащие из молочной пелены, напоминали руки утопленников, тянущиеся к небу в безмолвной мольбе.

— Мы можем объехать? — спросил Юра, хотя уже знал ответ.

— Нет, — Каролина помолчала. — Здесь только одна дорога. И она ведёт прямо в город. Если мы свернём, потеряем время. А времени у нас почти не осталось.

— Тогда поехали, — сказал он и нажал на педаль газа.

«Волга» нырнула в туман, как ныряет пловец в мутную воду — с замиранием сердца, с холодком, пробегающим по спине. Видимость упала до нескольких метров. Юра включил противотуманные фары, но их жёлтый свет лишь размазывался по белой пелене, создавая причудливые, постоянно меняющиеся узоры. Казалось, что они едут не по дороге, а по дну какого-то древнего, высохшего моря, где вместо воды — призрачный туман, а вместо рыб — тени, скользящие у самой границы восприятия.

— Она здесь, — сказала Каролина, и голос её был спокойным, но в этом спокойствии чувствовалось колоссальное напряжение. — Я чувствую её. Она ждёт нас у въезда в город.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я бы сама выбрала это место. Узкая дорога, ограниченная видимость, близость к людям. Она знает, что я не стану рисковать гражданскими. Она знает, что я буду осторожна. И она использует это против меня.

Юра сглотнул комок в горле. Его руки на руле снова начали дрожать, но он заставил себя дышать глубоко и ровно. «Ты не боишься. Ты не боишься. Ты не боишься», — повторял он про себя, словно мантру, словно заклинание, способное отогнать злых духов.

И вдруг — тишина.

Не просто тишина, а та особенная, звенящая пустота, которая наступает перед чем-то страшным. Двигатель «Волги» работал ровно, шины шуршали по асфальту, но все эти звуки словно отдалились, стали приглушёнными, будто доносились из-под толщи воды. Юра перестал слышать собственное дыхание. Перестал слышать биение сердца. Мир замер в неестественной, пугающей неподвижности.

А потом он увидел её.

Сначала — два жёлтых огня в глубине тумана. Они не походили на фары обычной машины. Слишком яркие, слишком живые, они горели ровным, немигающим светом, словно глаза хищника, выслеживающего добычу в ночи. Они приближались медленно, величественно, и в их движении было что-то гипнотическое, завораживающее, от чего невозможно было отвести взгляд.

— Это она, — прошептал Юра, и голос его сорвался.

— Да, — подтвердила Каролина. — Чёрная «Волга». Моя тень. Моя смерть.

Туман расступился, словно занавес перед началом трагедии, и Юра увидел её целиком. Она была точной копией Каролины — ГАЗ-3102, тот же самый кузов, те же линии, тот же силуэт. Но если Каролина, кроваво-красная, сияла в лучах солнца, как драгоценный камень, то эта машина была воплощением тьмы. Её чёрный цвет не был просто цветом — это была пустота, отсутствие света, бездна, которая поглощала всё, к чему прикасалась. Хром на бамперах и решётке радиатора не блестел, а тускло мерцал, словно покрытый вековой пылью. Стёкла были тёмными, почти непрозрачными, и за ними не угадывалось никакого движения, никакой жизни. Только тьма. Только холод. Только голод.

Она стояла поперёк дороги, перекрывая въезд в город. За ней, в нескольких сотнях метров, виднелись первые дома — серые, невзрачные коробки окраины, но сейчас они казались недостижимыми, как мираж в пустыне. Между ними и свободой стояла чёрная «Волга».

— Что будем делать? — спросил Юра, чувствуя, как пот катится по спине.

— Я не знаю, — честно призналась Каролина. — Раньше я всегда убегала. Всегда уходила от боя. Но теперь… теперь со мной ты. И это меняет всё.

— Меняет как?

— Ты — не просто пассажир. Ты — часть меня. Ты даёшь мне силы, о которых я даже не подозревала. Когда ты рядом, я чувствую, что могу больше. Что я могу бороться.

Чёрная «Волга» медленно, почти лениво тронулась с места. Она не разворачивалась, не пыталась объехать их — она просто покатилась назад, не отрывая от них взгляда своих жёлтых фар. Это было приглашение. Вызов. Приглашение на танец смерти.

— Она хочет, чтобы мы последовали за ней, — сказал Юра.

— Да. Она хочет увести нас от города. Туда, где нет свидетелей. Где она сможет делать всё, что захочет, не опасаясь вмешательства.

— И мы пойдём?

Каролина молчала несколько секунд. Юра чувствовал, как вибрирует кузов машины — не от работы двигателя, а от напряжения, которое исходило от неё самой. Она принимала решение. И когда она заговорила, в её голосе звучала та самая сталь, которую он слышал раньше.

— Мы пойдём. Но на моих условиях.

— Что это значит?

— Это значит, что мы не будем убегать. Мы не будем прятаться. Мы будем сражаться. Я устала быть жертвой, Юра. Устала бояться собственной тени. Если ей нужна моя душа — пусть попробует забрать её. Но я не отдамся без боя.

Чёрная «Волга» развернулась — плавно, грациозно, как хищник, демонстрирующий свою мощь, — и помчалась по дороге, ведущей в объезд города. Юра, не раздумывая, нажал на газ. Красная «Волга» взревела двигателем и устремилась за ней.

Началась погоня.

Дорога, по которой они мчались, была старой, заброшенной — одной из тех, что остались от советских времён и использовались теперь только редкими местными жителями да любителями острых ощущений. Асфальт был потрескавшимся, покрытым выбоинами и заплатками, но обе машины неслись по нему так, словно это был гоночный трек. Чёрная «Волга» впереди, красная — позади, и расстояние между ними то сокращалось, то увеличивалось в зависимости от поворотов и рельефа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.